

ВРЕМЯ

Z

Сергей
БЕРЕЖНОЙ

КОНТРАКТ СО СМЕРТЬЮ

Сергей Бережной

Контракт со смертью

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Бережной С. А.

Контракт со смертью / С. А. Бережной — «Издательство АСТ»,
2024

ISBN 978-5-17-161295-5

Книга «Контракт со смертью» охватывает период проведения СВО с первого дня до июля 2023 года. Её можно отнести к художественно-публицистическому жанру, но в ней отсутствует даже намёк на пропаганду — это размышления, осмысление происшедшего и происходящего, их оценка непосредственным участником событий. А ещё это рассказ о людях, добровольно оказавшихся на войне сначала в составе крохотной группы фронтового агентства «ANNA News», а затем в качестве волонтеров-гуманитарщиков. О солдатах, офицерах и генералах, для которых честь, долг, верность присяге, служение Отечеству превыше всего. О людях, которые ежедневно и ежечасно помогают сражающейся армии. О жителях освобождённых районов — этой ещё одной почти неизвестной страницы войны. Она о том, о чём не расскажут военкоры или участники всевозможных ток-шоу. Автор не журналист, а писатель, причём непосредственно прошедший через разведпоиски, артобстрелы, засады, и книга по сути своей летопись происходящих на Украине событий, дыхание истории, пульс времени.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-161295-5

© Бережной С. А., 2024

© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Книга надежды	7
От автора	8
Часть первая	9
Февраль	9
Март	27
Апрель – май	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Сергей Бережной
Контракт со смертью
Очерки и рассказы

Серия «Время Z»

Дизайн обложки Владимира Ноздрина
Фото на обложке предоставлено автором

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Сергей Бережной, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Книга надежды

Тысячи тысяч блогеров и репортёров различных стран и континентов выдают на-гора интернет-информацию, но извлечь из неё хоть мизер происходящего в реальности невозможно.

Есть всё: ложь, фантазии, мечтания, кроме реальной картины выстрадавшего, запечатленного автором. Деталь за деталью, образы поведения, портреты героев в динамике, в конкретном месте при исполнении конкретной боевой работы, при любой погоде – в дождь и зной... На страницах книги мы видим запечатленное горе миллионов людей, голод и холод, плач матерей о потерянных сыновьях, разрушенные города и сожженные хутора и сёла... Мы видим обратную перспективу происходящего, что могло бы быть ещё, если бы не началась СВО, какие нацистские формулы ведения войны могли бы использовать против России Украина и страны НАТО... Военкоры, рискуя жизнью вместе с солдатами на передовой, пишут историю здесь и сейчас. Есть понимание ответственности за каждое произнесенное слово перед Богом и своим народом...

Книгу о событиях на Украине, в Новороссии и на Донбассе автор начал писать в феврале и продолжает писать сейчас. Кто-то может сказать, что ещё не время, рано-де, надо осмыслить. Надо, соглашусь, но при условии, если есть что осмыслить. Важно запечатлеть хронологию событий в деталях, чтобы потом, когда закончатся боевые действия и наступит мир, нынешние военкоры и писатели будущего времени смогли, опираясь на собранные по крупицам материалы, написать эпопею нашего времени с его героями, используя опыт русских военных писателей XIX–XX веков.

С первых дней СВО автор возвращает читателю очищенные понятия Родины-России, возвышает понимание Героя, человека, способного отдать жизнь за Отечество, одухотворяя его миссию, возвращая смыслы справедливости, чести, жертвенности, братства, коллективизма, дружбы народов, стойкости, отечестволюбия... От страницы к странице герои книги предстают вековыми русскими богатырями на самых крутых и опасных поворотах движения современной истории. Судьба миллионов, прошедших войну, высветилась Божественным светом.

Эта книга нужна не только людям, прошедшим испытание войной. Она нужна тем, кто поднимает себя из безверия, бессилия, отрешенности от мира.

Эта книга для всех. Она уже состоялась этой незавершенной частью. Она вернула нас из беспамятства через сверхнапряжение к своим истокам.

Мы получили необычную, нестандартную, героическую и болевую, возвышенную по большому счёту и приземлённую в своей правде книгу надежды.

*Сергей Котькало,
сопредседатель Союза писателей России*

От автора

Перед вами не замыленный пропагандой взгляд на события российско-украинской войны, лукаво называемой специальной военной операцией. Точнее прокси-войны Запада с непокорной Россией руками продажной девки по имени Украина. Это размышления о виденном и пережитом, о людях войны, долге, чести, отваге, трагедии, подлости, стяжательстве. О психологии войны.

Сохранена хронология, хотя со временем, чем дальше мы уходили от двадцать четвёртого февраля – первого дня СВО, менялось восприятие происходящего и его оценка, но корректировать не стал – эволюция взглядов тоже имеет ценность.

Не всё удалось вместить на страницах этой книги – многое осталось, как говорится, за кадром. Не все имена можно назвать – любят у нас засекречивать до глупости, хотя порой специфика службы не позволяет назвать имя, рассказать о том или ином событии. Хочется верить, что наступит время, и мы сможем рассказать о всех тех людях, с которыми пересеклись пути-дороги на этой войне.

Война лакмусом высвечивает не только тот социальный и общественный негатив, который сопровождает любые общественные катаклизмы, война показывает, кто чего стоит. Война – это своеобразная огранка, она кристаллизует характер, его нравственные качества, показывает, кто он на самом деле.

Здесь нет пропаганды – это коллективный взгляд на события нашей крошечной группы людей, оказавшихся на войне добровольно, не связанных ни с кем какими-либо правовыми обязательствами, а тем более финансовыми. Даже выступая в качестве фронтовых корреспондентов фронтового информационного агентства «ANNA News», мы оставались независимы в оценке событий.

Написанное вычитано нашей командой, просеяно по крупиночкам, выверено, чтобы оставить только то, что кажется главным, что выпукло показывает суть войны через характеры людские. Внутренний запрет на какие-то достаточно знаковые события или портреты людей в чём-то обеднили написанное, хотя с другой стороны – оно графически точно.

Это не художественное произведение – это документальная хронология событий и бесконечная череда лиц и характеров.

Мы многое не знаем и что-то никогда не узнаем. Мы не знаем глобальные причины начала войны, хотя можем догадываться, что в основе лежит прежде всего защита наших экономических интересов. Точнее, наших жизненных интересов, а уж потом денацификация и демилитаризация Украины. И вполне возможно, что чаще, переполнившей наше терпение, стало тайное заседание Бильдербергского клуба 5 февраля 2022 года, результатом которого явилось эмбарго на поставки российских углеводородов.

Не знаем, каких сил и какого напряжения стоило Президенту принятие решения о проведении СВО. Не знаем, какие силы препятствовали этому решению, какая мотивация двигала ими, но наверняка не интересы Отечества.

Закончится эта война, и тогда можно будет рассказать о том, что не сказано здесь, а пока руководствуемся принципом «не навреди». Будет осмысление, прежде написанное покажется в чём-то наивным или даже неверным, но никто не сможет упрекнуть нас в том, что были искренни, что покривили совестью, что ради конъюнктуры сказали неправду. Мы такой увидели войну, мы приняли её неизбежность и необходимость и остались верны идеалам две тысячи четырнадцатого года, идеалам Русской Весны.

Ну а пока опять готовимся на фронт – нас ждут Одесса, Киев, Львов. Нас ждут все те, кому дорога память родного Отечества.

Часть первая День за днём

Февраль

1

За неделю до начала войны хоронили отца Сахи¹. Порывистый ветер рвал из рук цветы, непокрытая голова сама втягивалась в поднятые воротники курток. Гроб для прощания поставили на свободном пятачке у подъезда, вокруг теснились пришедшие проститься. Подошёл Саха, не то что угрюмый, но посеревший лицом с резко очерченными, будто тёсанными, скулами. Обняли, сказали что-то в утешение – не протокольно, от всего сердца, обещали на девять дней обязательно встретиться.

Он обвёл нас взглядом – усталым и тревожным и будто невзначай обронил, что вряд ли. Было в его словах что-то такое, чего пока мы не знали, но почувствовали: без него будут поминать отца и на девять дней, и, возможно, на сорок тоже. Саша Тарасов² что-то рассказывал об отце Сахи, а мы с Тимофеевичем³ молча слушали, курили и ощущали разливающуюся в воздухе тревогу.

Через две недели я встретил Саху в Липцах – он ввалился к нам на базу в своей «цифре» и с автоматом под правой рукой – особый шик носить автомат на ремне через плечо, когда карабины зашелкнуты на антабке приклада. Поверх «броника»⁴ плотно сидела разгрузка, карманы которой топорщились рацией, магазинами, парой гранат, фонариком и всем остальным, что так необходимо в мало предсказуемой жизни бойца. С осунувшимся лицом с полуторанедельной щетиной, похудевший, но всё равно неунывающий. Война сушит, топит жирок, поэтому толстые на войне – только в кино. Он стеснительно пристроился на краешек стула и, плотно обхватив ладонями кружку с горячим чаем, медленно и с наслаждением тянул его мелкими глотками.

Я не хотел его отпускать и уговаривал остаться, обещая решить все формальности перевода к нам, в нашу группу, прикомандированную (приставленную, прислонённую) к отряду Пилигрима, но он отказался, пообещав сам договориться с командирами. Обещание он выполнил и на следующий день был уже у нас, но периодически «отскакивал», выполняя какие-то задания, о которых нам знать не следовало.

Так вошёл в жизнь нашей маленькой группы Саха и оставался с нами до самого последнего дня, пока мы не выбрались обратно за «ленту» в Россию.

Но эта встреча случилась то ли в последний день февраля, то ли скорее в первых числах марта, а пока всю эту неделю после похорон жили в ожидании войны, которая уже не таилась и алчно дышала в затылок. Жили в ожидании дня, когда рассечёт привычную жизнь надвое, изменив отсчёт времени и разделив людей на тех, кто готов отдать на заклятие голову свою, но умереть русским, и тех, для кого Россия стала временным пристанищем, где жилось сытно и не мешали фрондировать. А ещё были те, чьё сознание определяет холодильник. А ещё те,

¹ Мишнев А. В., позывной Саха. Артист.

² Тарасов А. В.

³ Алёхин Г. Т.

⁴ Бронежилет.

кому было всё равно где жить, с кем, под кем – эдакое холуйско-хуторское сознание. А ещё... Господи, да много их было, слишком много, на удивление много, кто был не с нами.

И всё же для многих это был катарсис – очищение души.

2

Двадцать третьего начало квасить ещё до обеда, хотя ветерок гонял по небу тучные облака, словно тасуя колоду, и солнцу удавалось лишь в короткие минуты прояснения погулять на славу, жадно отведав грязноватый лежалый наст. Но уже пополудни ближе к вечеру ветер стих, будто затаился, потянуло морозцем, и к сумеркам лужи выкристаллизовало хрусталём, да таким крепким, что он не расходился трещинами под ступавшей на него ногой. И ничто не говорило о том, что это будет последняя мирная ночь.

Рассвет двадцать четвёртого был написан непривычно резким и контрастным цветом и широкими мазками – под кистью неведомого художника запылало небо на востоке густо замешанной карминово-оранжевой зарей на тёмном сине-сиреновом небе. Четверть часа спустя далёкие сполохи и накатывающий гул, смешавшись с орудийным грохотом, возвестили о начале великого очищения наших душ.

Лакмусом высветилось грехопадение одних и готовность возвышения в своей жертвенности других. И началась не только великая сеча, но и возвращение заблудших и приведение их в чувство. И наказание украинства за мазепинское предательство, с вожделением уж тридцать с лишним лет живущего в никак не сбывающейся мечте урвать свой кусок от неминуемого разделения на части России.

Тогда, в девяносто первом, всё украинское общество или почти всё – от политиков и интеллигенции до последнего маргинала и сельского забулдыги – предало и приговорило нас, единокровных, к закланию алчному Западу. И брошенная и отвергнутая Россия, корчась от боли и сдирая коросту, выздоравливала и поднималась с колен, чего Украина не могла простить. И не верила в силу духа русского, в его непокоряемость. Все попытки взывания к разуму, все попытки терапии закончились, и мы взяли в руки скальпель.

И всё же было то, что корбило. О чем думали наши политики, начиная специальную военную операцию? Наверное, они знали такое, что не положено знать простому смертному. А мы знали, что за три десятка лет наша власть водила хороводы с продажной девкой по имени Украина. Наши послы по бывшим республикам бывшего Союза, ставшим суверенными, отбирались по разряду выбраковки, а на Украине особенно: один продолжал выстраивать схемы личного обогащения, другой под стопку водочки тянул меха аккордеона. Знали, что абсолютно воровской украинский олигархат слился в экстазе с нашим. Знали, что пестуют ненависть к нам. Всё знали. Теперь за просчёты политики должна расплачиваться армия.

О чем думали наши отцы-командиры, бросая вымотанную учениями армию под снаряды и мины изготовившейся к войне Украине?

И почему надо было начинать на рассвете? Слишком ярко выстраивался ассоциативный ряд, и потом не раз и не два пеняли нам сорок первым. Да и внезапность была только для нас – ещё за сутки войска ВСУ, силовики и местные власти отошли к Харькову.

3

С утра телефон буквально накалился от звонков, рвущих на части привычный ритм жизни.

Сначала был звонок от Сергея Ивановича⁵ с просьбой потрянуть стариной и закрыть харьковское направление, пока не вернутся из Сирии военкоры «ANNA News»⁶. Разговоры о том, что сейчас решается судьба России, что или мы выстоим, одолеем ополчившиеся на нас сатанинские силы, или русские как этнос будут уничтожены, всё это в пользу бедных. Это не для нас, потому что выбор был сделан нами еще до Русской Весны, до Майдана, до Донбасса. Но мы понимали и то, что в наши, далеко не юные годы, когда одних только болячек воз и отнюдь не маленькая тележка, не говоря уже о других проблемах, отправляться туда – это уже диагноз.

Мысленно бросил на чаши весов все «за» и «против» настойчивого предложения Котьяло, рассчитанного исключительно на восторженных идиотов либо просто дураков с точки зрения нормального человека.

Стрелка весов рванула в минус: во-первых, кашель клочкотал в груди и разрывал бронхи. К тому же давление слишком вольно гуляло вверх-вниз, отчего свет божий стал не мил. Во-вторых, привычный сквозняк в карманах не позволял прикупить самого необходимого, и пришлось довольствоваться тем, что наскреб по сусекам. А наскреб скудно: старый афганский офицерский бушлат, нож, фонарик и кое-что по мелочи. Ну, так обещано турне краткосрочное, всего на несколько дней, вот и обойдётся. В-третьих, в случае гибели путь домой заказан. В лучшем случае прикопают где-нибудь в посадке, а то и бросят в чистом поле. В-четвёртых, обещанные «похоронные» за гибель своего сумасшедшего папочки родные не получают ни копейки, как и самому фигушки что светит при ранении. В-пятых, труд в нарушении Венской Конвенции оплачиваться не будет – считай, что это коммунистический субботник. В-шестых, фото и видеокамеры нет и не будет, как и транспорта тоже. Добудете сами – флаг в руки, нет – ваши проблемы. В-седьмых, в-восьмых, в-девятых, в-десятых... Короче, всё материальное побоку, ты доброволец и опять вне правовой защиты, то есть по большому счёту ты никто и звать никак.

Плюс есть? Ну конечно, позитив всегда присутствует, даже когда тебя ставят к стенке. В данном случае в абсолютной свободе во времени и пространстве: смотри, слушай и пиши, что душенька пожелает, хотя и без гарантий когда-нибудь увидеть свет написанному.

Да, негусто, хотя не хотелось упускать шанс на всё взглянуть не пропагандистским глазом, а самому услышать, пощупать, попробовать на зуб. И это уже уравнивает негатив с позитивом.

Во мне не на шутку схватились два человека. Налицо диссоциативное расстройство идентичности, а проще шизофрения, но разве человек разумный сам, добровольно, за просто так отправится на войну ради любопытства? Отправился и потащил за собою команду таких же сумасшедших, обручившихся с шизой.

Следующим был Витя Носов, бывший старшина разведроты ВДВ Советской армии, добрейшей души человек, доверчивый и искренний, просто помешанный на помощи Донбассу. Все восемь лет он кропотливо собирал всё, что нужно для жизни и выживания, и при первой же возможности вёз, вёз, вёз, буквально прорываясь через всевозможные препоны таможен на погранпереходах. И как мальчишка радовался, когда ему удавалось пробираться на передовую и иногда уговорить разведчиков взять с собою в поиск.

– Саньч, едем пиндосиков мочить?! – спрашивал-требовал мобильник и орал его голосом.

– Конечно, старина, завтра в десять. И чего тебе дома не сидится, неугомонный?

– А тебе?

⁵ Котьяло С. И., сопредседатель Союза писателей России.

⁶ Фронтовое информационное агентство.

Всё, поговорили. Сказать, что я рад, значит ничего не сказать. Витя – это скала, это супернадёжность, это возможность не оборачиваться, если он за спиной. Это острый глаз, щупающий и рентгеном просвечивающий. Это отменная реакция и мгновенно принимаемое решение. Это организация маломальского порядка при всеобщем бардаке и махновщине. Это кружка кипятка и сухарь, материализовавшиеся из ниоткуда. Это неведомо как и откуда добытый автомат и пара магазинов. Это гарантия, что проснёшься поутру, и твоя голова не окажется рядом в тумбочке.

Когда наша военкоровская миссия закончится, он не утомится и будет с завидным упорством и постоянством собирать гуманитарку и отправлять её по госпиталям и подразделениям, отвозить за «ленту» донецким и луганским ополченцам (давно уж какая-никакая, но армия, а мы по привычке всё называли их ополчением), попутно раздавая беженцам и тем, кто выживал в сёлах. Открытая душа, он до слёз будет переживать за детишек, стоящих на обочинах и машущих ручонками пролетающим мимо бэтэрам и машинам, сетуя, что не может всех накормить, обнять, утешить. Переживать за селян, оставшихся один на один со своей бедою без крыши над головой у груды кирпичей, что совсем недавно назывались домом. Он будет делать всё то, что должны делать уполномоченные на то властью, но не делали. И в нём, в его сострадании и заботе люди видели Россию – в десантном тельнике, выдавшей виды куртке и стоптанных кроссовках, с пакетами и ящиками в руках. Россию бескорыстную, щедрую на душевность, православную.

Ну, а когда выпадала удача отправляться за «ленту» для сбора материала или съёмок, наш старшина был с нами, и все знали: ты в безопасности, если он рядом.

Мише Вайнгольцу позвонил сам.

– Яволь, шеф! – дурашливо рявкнул он и стал готовить фотовидеотехнику. – Только батене слова.

У Мишки уже было два инфаркта, поэтому Александр Михайлович, его отец, зная, что всё равно сблатую сына на «сафари», прохрипел лишь:

– Убью.

Это была не угроза – констатация факта. Короткое и веское «убью» красноречивее всех слов и не оставляло сомнений. И всё же рискнул позвать Мишку с собою, потому что флегматичнее и выдержаннее, чем он, найти практически невозможно.

В физзащиту пошёл Кама⁷, обладатель целой связки поясов всех расцветок и данов, полтысячи прыжков с парашютом, чемпионских и мастерских титулов по боксу, рукопашке, стрельбе и ещё чёрт знает по чему.

Итак, команда для работы во фронтовом агентстве собрана, оставалось решить самую малость: вопросы «проникновения» за «ленту» и передачи материалов в Москву.

По «ленточке» помогли грушники⁸ армейцы, взамен попросив захватить с собою Валентиновича. Он харьковчанин, нациков ненавидит люто, восемь лет ждал этого дня и теперь, отказавшись от операции, пошёл освобождать родной город с первой штурмовой группой. Даже красное знамя приготовил, а вот пилюли свои впопыхах забыл. Пришлось срочно доставать и оказией передавать к нам, когда расположились между Борщевой и Липцами.

Валентинович – это отдельная песня. Во-первых, за ним надо ходить с блокнотом и только успевать записывать, поскольку он не просто говорил, а изрекал, зачастую афоризмами. Валентинович – это кладёзь редкого дара сканировать людей, ума и мудрости, философии и психологии. Потом не раз и не два пожалел, что пришлось расстаться с ним: там здоровым было неведомо, а с его онкологией чуть ли не последней стадии и подавно. Погорячился старик, слишком рано поднялся в атаку, зато пойдёт вторым эшелоном.

⁷ Мусин К. М.

⁸ Грушники – офицеры Главного Управления Генштаба ВС РФ (бывшее ГРУ).

Отснятый материал решено было нарочным передавать Тимофеевичу, остававшемуся в Белгороде, который взвалил на себя бремя обрабатывать собранное нами и направлять Сергею Ивановичу для «ANNA News».

Полное дежавю, законы диалектики в действии. А ведь не откажешь – раз назвался груздем, то полезай в кузов. Полезли.

4

У каждого свой первый день войны.

У политика он густо замешан на осознании причастности к принятию исторического решения и на ощущении своей значимости. Он уже шагнул в историю, ему грезятся монументы в его честь на площадях городов и улиц или бюсты на аллеях городских парков. Лёгкая дрожь пробегает по его телу, и едва заметно подрагивают руки: испытание тщеславием сродни электрическому разряду. И всё же где-то в глубине сознания предательски мелко трясётся затаившаяся мысль: вдруг провал, вдруг поражение, и тогда надо успеть вовремя сбросить с себя бремя ответственности и уйти если не в конфронтацию, то хотя бы в ненаказуемую фронду. Вроде бы и величина недюжинного масштаба, а мелковата всё-таки душа.

У военачальника он масштабно-информационный, внутренне торжественный и торжествующий, полный потаённых надежд о полководческой славе с блеском орденов, звёзд на погонах и карьере. Для него нет отдельно взятого солдата или офицера, он мыслит иными категориями, масштабно – группировка, армия, корпус, дивизия или бригада. Он осознаёт степень личной ответственности за принятое политическое решение, за его реализацию и готов взвалить на свои плечи бремя неудач и исправления сотворенных политиками глупостей. Цена победы или поражения – это потом, это удел досужих историков, к тому же на определение истинной цены уйдут годы, а то и десятилетия, хотя она всё равно окажется лукавой. Конечно, они разные, но будут среди них те, кто стремится к минимизации этой цены порой в ущерб своей карьере и сбережению своих солдат, этого генофонда России.

У солдата он сжат до кончика тлеющей сигареты перед командой: «Вперёд!» Не страх, а легкое волнение перед неизвестностью: что там ждёт за поворотом, за лесопосадкой, за холмом. И где-то внутри теплится надежда, что ещё, быть может, остановится запущенный механизм. Ну а если нет, то чтобы миновала его судьба пропавшего без вести. Не раненым быть, не погибшим, а именно пропавшим без вести.

У меня он оказался размытым, не концентрированным – то ли от какого-то внутреннего опустошения, то ли от усталости, то ли от досады за незавершённость домашних дел и от невозможности отказать в просьбе побыть военкором хотя бы несколько суток. Всё это было так некстати, а потому несказанно тяготило. Не было и намёка на адреналин, на обычное волнение перед прыжком с парашютом, на задавливаемый, но всё равно подспудно живущий страх. Ничего-го! Со стороны могло показаться, что это какое-то тупое равнодушие и покорность: будь что будет, хотя было ощущение какой-то обыденности и повседневности, будто каждое утро начинается с новой войны. И даже на подсознании в самом закоулке сознания затаилась какая-то досада на незавершённость дел: ну не могли подождать, что ли? Ну хотя бы недельку, чтобы успеть расставить по полочкам книги, убрать мольберт, сложить в коробку тюбики с красками и просто навести в комнате маломальский порядок. А может, всё потому, что война давно стала привычкой? Слишком всё одинаково, и не стоит ждать какой-то новизны, разве что новые лица.

Страх пришёл позже, когда развозил гуманитарку по «серой зоне», когда колесил от Купянска до Изюма, от Боровой до Святогорска и далее вдоль реки, хотя и не соответствовал реальной опасности. Он пришёл как запоздалая реакция на эти перемещения во времени и пространстве.

И всё же было какое-то внутреннее ликование от свершившегося: ну наконец-то дождались! Двадцать четвёртое февраля как плата за четырнадцатый, за все восемь лет, за нашего Че Гевару, честнейшего и справедливого Доброго – Лёшу Маркова, Женю Ищенко, комбрига «Призрака» Лёшу Мозгового, Бэтмена, за всех поверивших в единение русского духа, за преданных и оболганных. Возрождение надежды, что жизнь будет иной – вечная русская мечта о справедливости, что вернётся в души и поступки людей совесть. Что мы так и не вложили в ножны меч, поднятый святым Александром Невским, чтобы защитить от алчного Запада ненавистные ему веру православную и землю русскую.

По блеску глаз, по резким, порой суетным движениям, по каким-то особо ничего не значащим фразам прорывалось внутреннее напряжение. Это плохо, это ты во власти эмоций, когда к чёрту летят тормоза и ты уже не можешь трезво отдавать отчёт своим действиям и взвешенно принимать решения. Это состояние эйфории вырвет кого-то из наших рядов и начнёт перемалывать. Но это будет позже.

Тогда мы жили самым первым днём и не задумывались, что будет второй, шестой, тридцать пятый или сто двадцатый. Что всё будет совсем иначе, чем представлялось. Что разложение армейской верхушки достигнет дна; что некомпетентность, алчность, чванство, карьеризм лишат командирской воли; что холуйское «чего изволите» насквозь пронижет сознание армии и станет доминантой поведения.

Оказалось, что те, кто принимал определяющие жизнь миллионов людей, стран и даже континентов решения, не предполагали степень поражения сознания миллионов жителей страны национализмом и нацизмом, саркомой, расплзшейся по всем слоям общества, проникшим в сознание и выпестовавшим новое поколение, для которого мы были врагами изначально. В их разумении мы были недочеловеками, неполноценными, унтерменшами, и нас можно только ненавидеть и просто уничтожать.

Мы же так и не избавились от жалости к неразумным родственникам, от веры в то, что их ещё можно добрым словом вернуть в семью. Это потом пленных станет намного меньше – после Бучи, после кадров наших ребят с перерезанным горлом, после всего того, что они творили с нашими.

5

– Война – удел молодых. После сорока воевать тяжело, – как-то резюмировал один из комбригов ещё в четырнадцатом.

В общем-то он прав: реакция не та, и резвость как у старой клячи – дай бог дотащить себя до стойла, но всё-таки нет правил без исключений.

Наша крохотная в масштабах подразделения боевая единица была по-своему уникальна: всем далеко за шестьдесят плюс, один с онкологией – отложил операцию до победы, другой с двумя инфарктами, третий умудрился обзавестись всеми хворями, чем богата медицинская энциклопедия, разве что кроме беременности, четвертый едва шкандыбает: ломан-переломан, пластинами скреплён, пятый – вообще без глаза и конечности, шестой держится исключительно на самолюбии. Короче, инвалидная команда шестой степени свежести. А ещё нас называют комсомольцами, потому что Витя Носов на сомнения командира бодро отчеканил: «Партия сказала надо, комсомол ответил – есть!» Вот с тех пор и приклеилось «комсомольцы».

Мы зашли под «крышей» «ANNA News» – фронтового информационного агентства, на ладан дышащего после гибели Марата Мусина. Армейские офицеры – молодые симпатичные ребята – сделали вид, что верят в нашу легенду: главное, что мы дадим картинку и репортажи, которые они запишут на свой счёт. К тому же у нас были бейджики агентства, которые подо-

гнал Петрович⁹. Нас такой расклад вполне устраивал: мы будем внутри событий, мы не связаны никакими обязательствами с работодателями, которых у нас не было, мы сможем давать материалы, не кастрированные цензурой или капризами военного ведомства, определяющего степень дозирования информации. Мы независимы в оценках и свободны от обязательств!

Наивные! Мы забыли старую истину, что на войне никому не нужны твои видения и рассуждения – всё подчинено человеку с оружием, который волен тебя задержать, арестовать, отобрать аппаратуру, посадить «на подвал» или вообще утилизировать в ближайшей лесопосадке и списать всё на ДРГ противника.

Мы забыли, что на войне рекомендуется держать язык за зубами, чтобы не пострадала шея.

Мы забыли, что не следует лезть туда, раздираемые желанием проникнуть в тайну, куда даже любопытная такса не сует свой длинный, тонкий и сверхчувствительный нос.

Мы многое забыли, хотя, если быть точным, мы ничего не забыли, а просто умышленно нарушили все мыслимые и немыслимые запреты.

Вот поэтому мы оказались вне правовой защиты государства, но всё равно сломя голову ринулись в опасную авантюру. Мы были самонадеянные и самоуверенные, что никак не красило наши седины – пора бы уже быть мудрее.

И всё-таки двоих, что были с нами с первого дня, мы потеряли...

6

Местом встречи была назначена АЗС за блокпостом, этой скоренько возведённой фортификацией на перекрестке перед пограничным переходом. Поручались, пообнимались, покурили, потрепались, пошутили. Взглянешь со стороны – мужики собрались на рыбалку или на охоту подальше от жён и домашних забот. Ну, расслабиться захотелось, душу отвести на природе.

Явно кого-то ждали, но вопросами армейцев не донимали: пусть всё идёт, как идёт. Старший всё куда-то звонил, с кем-то о чём-то говорил, посматривал на часы. В общем, всё как всегда: где-то что-то не сложилось, и минуты ожидания тянутся резиной тягучей, иногда переходя в часы. Господи, ну почему мы, русские, такие? Почему, если табличка на дверях киоска «Буду через десять минут», то смело можно разворачиваться и уходить: раньше получаса продавец не появится, а то и вообще не раньше следующего утра?

Старший взмахом руки прерывает мысли: за мной. Рассаживаемся по машинам и едем в сторону Нехотеевки, но на полпути сворачиваем в посадку. Не поляна, нет, да и какая в лесопосадке поляна – не лес же, просто раздвинулись, разошлись клёны да акации для проезда. По нему нет-нет да проезжали, отчаянно ревя, танки, вырываясь на трассу. Иногда они лихо крутили двойной тулуп, сминая металлическое ограждение, и, взревев всеми своими семьсот восьмьюдесятью лошадьми, с места в карьер бросались к границе.

Отцы-командиры опять долго совещались, кому-то докладывали в простуженно хрипящую, астматически кашляющую, клопочущую и хлюпающую рацию, смотрели на часы, но никуда не двигались. Ну, если здесь и сейчас связь под боком у «ленты» ни к чёрту, то что от неё ожидать там?

– Это рёбовцы глушат, – с видом знатока веско произнёс Димка¹⁰.

⁹ Петров А. П., руководитель агентства «ANNA News».

¹⁰ Булгаков Дмитрий Юрьевич, заходил с передовым отрядом, подбил БТР «буцефал» в первые двадцать минут после начала СВО. Пропал в первой половине марта в районе Нехотеевки. Судьба неизвестна.

Он гусаком прохаживался от машин к краю посадки, то подходя на почтительное расстояние к стоящим поодаль офицерам разведки и командирам «моджахедов», то возвращаясь к нам с таинственным видом хранителя страшной тайны, но вынужденного молчать.

Мы понимали, что РЭБ здесь ни при чём, что армия опять без связи, и повторяется раз за разом то, что было и в сорок первом, и в девяносто шестом. За полсотни лет ничего не изменилось, как не изменилось спустя еще почти три десятка лет. Кто и из каких высших тактик и стратегий решил, что входящие в другую страну войска обойдутся без связи? Ну ладно, напряженка с портативными рациями, не часто встретишь «Баофенг», ещё реже «Азарт», так хотя бы проводную полевую на первых порах размотали. Дудки!

– Мобилами обойдётесь, мать-перемать, – отрезал генерал на вчерашнем совещании. – Надо задачу выполнять, а не болтать по рации.

На его широком и бугристом лбу, девственно чистом от отсутствия сомнений и мысли вообще, проступили капельки пота. Он ни на мгновение не сомневался, что будет мобильная связь, не предполагая, что Киев отключит операторов, оставив одного, не совместимого с российскими, что артиллеристы сдуру завалят опоры электропередачи и вышки мобильной связи. Наверное, он уже мысленно принимал ключи от Харькова от благодарных представителей бизнеса и колол дырочку на мундире для очередной бронзулетки. Впрочем, какая на хрен разница, о чём он думал: у нас не было связи в первый день. Не будет и во второй, и в третий. Я с оказией выберусь в Белгород, подниму всех друзей и приятелей, друзей друзей и приятелей приятелей и привезу два десятка «Баофенгов», которые за ночь «перешьёт» отрядный умелец.

Но генерал был вчера, а пока мы, заполняя мхатовскую паузу, глотали горький дым сигарет вместе с морозным воздухом, пахнущим весной, поёживаясь вовсе не от волнения, а от долгого ожидания и зябкости, заползающей под бушлаты и куртки. В километре была граница с привычным именем «лента», или, как её теперь называли, «ноль». Кто решил, что «ноль» лучше «ленты»? Почему? Не знаю, но такое название границы мне совсем не ложилось на душу. Ноль – это ничего, пустота. «Ноль без палочки» – ничего не значащий, никчемный человечешко. «Подстричь под ноль» – значит наголо, под корешок снять родной волос, будь то роскошная шевелюра или плешина в венчике. Уравнили, стилизовали под единообразие. «Нулевой вариант» – тоже приемлемо, хотя как понимать: то ли изначально с белого листа начинать, то ли «умножить на ноль» всё, что было раньше. Или «зачистить в ноль». А «лента» – это просто линия, за которую переступил и двинулся дальше. Хотя тоже черта и для кого-то последняя, но всё же «ноль» – это не то. Наверное, кто-то решил, что это точка отсчета нового и, наверное, был в чём-то прав.

Мы не начинали жизнь с чистого листа, да в наши годы её и не начнёшь. Мы выбрали свой путь ещё в четырнадцатом и продолжали идти по нему, не желая иного. Впрочем, мы не особо и выбирали – он был начертан нашими отцами и матерями, и мы шли по нему и до этого дня, в уже прошлой жизни, не думая сворачивать, набивая синяки и шишки. Кто-то крутил пальцем у виска – не могут жить, как все, или не хотят; кто-то ненавидел, кто-то смотрел равнодушно или с досадой – путаются тут под ногами. Но были и те, кто становился рядом, плечом к плечу, и дальше мы шли вместе.

Мы опять были добровольцами – особый вид вымирающих представителей хомо сапиенса, выпадающих из нормальной обыденности. Хотя нет, почему хомо сапиенсы? Девиантное поведение отнюдь не свидетельствует о разумности, а отсутствие хвоста ещё не говорит о переходе в род хомо семейства гоминод отряда приматов.

В отличие от армейцев мы шли на войну не по приказу. В отличие от чевэкашников и с неясным правовым статусом новообразований минобороны в виде отрядов, набранных по контракту. В отличие от БАРСов¹¹ и подобных подразделений. Нас никто не призывал. С нами

¹¹ БАРС – боевой армейский резерв страны. Военнослужащие, набранные по контракту.

никто не заключал контракта. Мы были из тех, кто шёл по зову сердца, как бы патетически это ни звучало. Хотя нет, всё-таки мы подписали один-единственный контракт – контракт со смертью, в надежде, что она пока повременит.

Сын проводил почти до «ленты». Говорить особо не хотелось – всё было сказано-пересказано еще почти десяток лет назад, когда он провожал меня сначала в Сирию, а потом на Донбасс, встречал, опять провожал и так до бесконечности. Надеялся, что на этот раз папаны угомонятся, но – увы. А всё-таки для сердца меньше маеты, когда сам уезжаешь, а не провожаешь. Конечно, эгоизм махровый, даже эгоцентризм, но что поделать – человек эгоистичен, как бы ни скрывал это качество всякими умными словами. Обнялись, улыбнулись, стиснули зубы – так прощаются мужчины, без лишних слов и соплей. Будем жить!

Заходили, точнее, заезжали, а еще точнее – завозили нас в «таблетке»¹² верхней поклажей вповалку поверх патронных цинков, ящиков с выстрелами к гранатомётам, минами, гранатами, РПГ-7, ПТУРам, пары пулеметов, спальников, упаковок воды, тушёнки и хрен знает ещё чего. В общем-то не очень комфортно, учитывая довольно-таки пострадавшую дорогу с перемолотым траками танков и «мотолыг»¹³ в крошку асфальтом и с ямищами от снарядов и мин. Потом командир признался, что специально упаковал нас в это грохочущее и безрессорное и безамортизаторное средство передвижения в надежде, что мы откажемся от него, а поскольку иного нет, то значит, не поедет, и он будет избавлен от опеки над этими ветеранами обороны Шипки. Но мы были упрямы, и нам было всё равно, на чём нас доставят, хоть на метле, но лишь бы оказаться за «лентой».

7

Заходили не фронтом, не развёрнутыми силами, охватывающими сразу все села до крохотного хуторка, все балочки и высотки, а походными колоннами на «буханках» и «мотолыгах» без дозора и бокового охранения, без разведки и вообще без ума. И никто не знал, что творится в сотне метров от дороги на пустынных улицах сёл и посёлков, в посадках, рощицах, лесочках, вот за тем холмом или подкравшейся к самой дороге балке или овраге. Просто потому, что никто не собирался воевать всерьёз и даже не думали, что вообще это будет самая настоящая война с убитыми, ранеными и пленными, с озлобленностью и ненавистью.

За Липцами в колонну встроились бэтэры, бодро вышедшие из распахнутых ворот украинской воинской части. Бойцы с любопытством разглядывали их, гадая: наши или нет, и лишь Батя¹⁴ приказал взять «буцефалы»¹⁵ в прицел гранатомёта. Этого казака не проведёшь: зоркий и сметливый глаз сразу вычленил их из общей массы техники. Они прошли с нами километров пять, потом резко отвернули в сторону и нырнули за посадку. Выскочили уже за Борщевой, но два из них стреножили сразу, как только стволы их скорострельных пушек приподнялись на уровень колонны: находиться в прицеле «граников»¹⁶ некомфортно, и солдаты покорно полезли из люков, поднимая руки. Зато третий бэтэр вновь резко свернул влево и стал уходить, расчерчивая двумя широкими чёрными полосами яркую зелень озимых. Его можно было бы ещё достать, но Ясон¹⁷, командир отряда, остановил: пусть уходит. Батя бывший майор-десантник, привык к подчинению, поэтому спорить не стал, лишь неодобрительно прищурил

¹² «Таблетка», «буханка» – УАЗ-452.

¹³ «Мотолыга» (сленг) – многоцелевой транспортёр лёгкий бронированный (МТЛБ).

¹⁴ Батя – позывной Филипповского Игоря Васильевича, атамана Курской области, заместитель командира отряда.

¹⁵ БТР-4 – бронетранспортер ВСУ, имеющий на вооружении 30-мм скорострельную пушку, 7,62-мм пулемёт, 30-мм гранатомёт, ПТУР.

¹⁶ «Граник» (сленг) – ручной противотанковый гранатомёт.

¹⁷ Позывной командира подразделения ЧВК изменён.

глаз. Он пожалеет об этом через четверть часа, когда отпущенный на волю «буцефал» притаится на краю посадки и из засады сожжёт пару танков и положит полвзвода разведчиков, после чего преспокойно уберётся восвояси.

Местами поля были густо испятнаны воронками – следы нашей артподготовки. Красавцы! Рядышком батальон ВСУ квартировал: склады, казармы, ангары для техники – ни одного попадания, а зеленыя перепаханы. Ну положи пару снарядов у ворот на выезде, завали сами ворота, чтобы никто не выехал с территории, так нет же... Почему? Пугали? Намеренно мазали или координаты цели неверно дали? А может?.. Вот насчёт «а может?» думать не хотелось.

Вдоль дороги на обочинах изредка попадались подбитые, разбитые, сожжённые наши «Уралы», пара «мотолыг», танк с бессильно поникшим к грязному снегу стволом, разбитой динамической защитой и открытыми люками – они обогнали нас в Стрелечьем. Выходит, приняли на себя уготованное нам. Потом будем встречать вдоль обочин и на Изюмском направлении, и на Святогорском, и под Боровой, и здесь, под Харьковом, битую и сгоревшую технику – дороги войны с её непременными атрибутами.

Мелькавшие за окном невзрачные до серости и какие-то обречённые сёла и посёлки, понурые и покорные, с безлюдными улицами, стылыми изнутри домами со слепыми, без света, окнами. В наш первый и совсем не внезапный артудар незамеченными вошли звуки взрывов заложенных украми мин, которые начисто снесли несколько опор и распорили газовую трубу, оставив сёла, посёлки и целые города без света, тепла и воды. Без света понятно – оборваны провода, без воды – тоже разобрались: электронасосы без электричества работать не желают, воду не качают, а колодцами никто не занимался со времён получения самостоятельности. Но вот с отоплением оказалось сложнее: от печей избавились накануне падения Союза, подарившего газ. Москали и Россия – это скверно, а вот газ из России – это хорошо. За три десятка лет кое-кто даже от топоров и пил избавился: ни к чему теперь в хозяйстве, в Европу же топаем.

Что касается внезапности начала войны, так она больше для нас смертных оказалась неожиданной. Генштабовские топографические карты нашей доблестной Красной армии с грифом «секретно» в правом верхнем углу ещё совсем недавно можно было без особых хлопот спокойно приобрести в киосках Праги. А вот у заходивших за «ленту» подразделений топографических карт не было. Вообще. И искали их по всему Белгороду, распечатывали с Яндексa и Гугла, довольствовались даже туристскими. Да что там карты – всё кругом секретно, хотя и всё или почти всё знали: земля слухом полнится.

Зато у соседей чиновники местных властей, все правоохранители, пограничники, даже врачи из районной больницы, руководители всех служб и вообще чинов, мало-мальски наделённых властью, ещё накануне подались в Харьков. Знали, чёрт возьми, до минуты знали, когда всё начнётся. Откуда? Может, чуйка сработала? Или сообщил кто?

Мы технику к границе недели две гнали, только слепой да глухой не заметил. Офицеры разведки и контрразведки потом говорили в частных беседах, что весь эфир в приграничье был забит звонками до самого первого выстрела. В основном исходящими... От нас...

8

Грохот и гул разорвали рассветную тишину. Сомнений, что началось, не было: ну наконец-то, дождались. Ждали ведь с четырнадцатого. И всё же осадок остался: почему с рассветом? Почему артиллерией и авиацией, а не добрым словом к жителям сёл, посёлков, городов хотя бы на пути к Харькову. Освободили от света, газа, тепла, кого-то от домов, сараев, скота домашнего, работы, денег. А потом начался пинг-понг ракетами и снарядами, и людям было всё равно, от российских или украинских снарядов и ракет горели дома и гибли их близкие. В сознании крепко-накрепко укоренилось: Россия – агрессор, Россия принесла войну, обильно

сдобрила поросль ненависти, заботливо взращиваемую вот уж тридцать лет, и с этим придётся жить и нам, и живущим там русским, считающих себя украинцами.

Почему назвали специальной военной операцией превентивные действия нашей армии по удалению ядовитого жала? Почему не война, хотя цели – тотальное уничтожение нацистской идеологии, идеи сверхчеловека и избранности украинской нации решаются не военной операцией и даже не войною? Ракетами да снарядами идеологию не искоренить, здесь иные средства лечения. Или всему иная подоплёка, иные интересы, основные или сопутствующие, скрытые от наших глаз? Да и потом ведь мы понимали, что это война Запада, война Штатов с нами на уничтожение нас, и Украина лишь средство достижения этой цели. Украинцы – ландскнехты, наёмники, выруси, продавшие прошлое свое за тридцать сребреников. Впрочем, прошлое у них тоже было разное: и Россию воевали, и под татар да поляков пластались, а шведы вообще были освободители. Это же у них флажок свой жовто-блакитный слямзили, а гимн – у поляков.

Но почему их сознание захлестнула волна ненависти, утопив последние ростки разума? Причём немотивированной ненависти. Или это вечная ущербность галичан, холуйствующих, ломающих шапку перед сильным еще со времён Даниила Романовича, а это почти восемь веков? Значит, ненависть вековая, которую пытались искоренить за каких-то полвека советской власти. Расслабилась Украина, позволила западенцам обрести пассионарность, вот и задавили рогули, страхом повязали.

Хотя советская власть обильно вскармливала всходы украинского национализма, холила и лелеяла. Именно на её годы пришёлся рассвет пренебрежения к русскому, раскол сознания, возвеличивание украинского языка, украинской культуры, украинской нации. Разогретый большевиками котёл украинского национализма должен был непременно рвануть, но паростравили немцы, включив оуновцев в силы сопротивления советской власти, которая с 1944 года начала планомерную ликвидацию бандеровцев. Однако хрущёвская амнистия позволила начать внедрение националистов во все структуры органов власти. Начался ренессанс украинского национализма с возвеличиванием того, чего не было и в помине: искусственно созданный Генштабом Австро-Венгрии язык стал языком искусственно созданной нации, а обряды хуторян стали вдруг национальной культурой с непременными вышиванками.

Почему героизм наших десантников в Гостомеле и вообще на киевском направлении, их самоотверженность и самопожертвование были похерены поспешным отступлением, напоминающим бегство, в результате чего десантура и не только понесла те самые страшные потери? Ну а политическому имиджу России, её военному искусству с невнятным мычанием о гениальной стратегии был нанесен сокрушающий удар, от которого мы не оправились до сих пор.

Почему ракетно-бомбовые и артиллерийские удары были нанесены вне дислокации украинских подразделений? Почему? Потому что был какой-то «договорняк», во всяком случае на харьковском направлении? Опять «безальтернативный» минский договорнячок? Потому что в очередной раз наступили на грабли и получили по лбу, забыв истину: с врагом нельзя договариваться? Он понимает только язык ультиматума, да и то под угрозой реального тотального уничтожения.

С какого рожна решили, что будут встречать хлебом с солью на рушниках гарны дивчины с развевающимися лентами в косах? Встретили парубки, а не дивчины, и не с цветами, а с джавелинами, энлау и стингерами. Почему потом позволили нескончаемым потоком идти на Украину несущим смерть натовским гаубицам, танкам, ПТУРам, ПЗРК, миномётам и всякой другой нечисти, созданной исключительно для убийства?

Война – бизнес сверхдоходный, но мы-то ведь ни при чём, не правда ли? Мы ведь не партнёры по производству всего этого, не совладельцы, не аффилированные и даже никаким боком не стоящие, не так ли? Хотя почему бы и нет? Пять месяцев спустя мы же не продолжаем поставлять нашим убийцам редкоземельные металлы, электроэнергию, углеводороды, металлопрокат и всё другое, без чего любая война оголодает? Почему – чёрт побери! – пытаемся

вести какие-то переговоры, которые однозначно воспринимаются обществом мюнхенским сговором? Перед кем сохраняем лицо? Да они же веками только и жили в ненависти к русским, питались этой ненавистью, лелеяли её и холили, взращивали из поколения в поколение.

Почему стыдливо и как бы с извинениями именуем не война, а специальная военная операция? Потому что нами задействованы малые силы, в несколько раз по численности уступающие противнику? Потому что изначально широкомасштабные действия сейчас локализованы на относительно небольшой территории? Потому что кому-то втемяшилось в голову сделать ставку на набранные наспех коммерческие подразделения – иначе их и не назвать – из бывших локальщиков: «чеченцев», «сирийцев», реже «афганцев», ещё реже приднестровцев, «абхазцев», «таджиков»? А ещё с довольно мутным прошлым и не менее мутным настоящим, боевиков криминала, завсегдатаями «стрелок» и просто всякими проходимцами. Такие на амбразуру за деньги не ложатся.

Идея хорошая, разумная, только есть в ней какая-то червоточинка: два отряда, что были задействованы под Харьковом, не выдержали испытания, разошлись – кто домой, кто подался под Изюм или на Донбасс в реально воюющие части. А командиры оказались просто проходимцами, которым при встрече мужики, их бывшие подчинённые, с удовольствием начистят в лучшем случае физиономию.

Хорошо, пусть будет специальная военная операция, хотя есть в этом что-то извиняющееся, словно не они орали «москаляку на гиялку», а мы. Словно не они называли нас скоторусскими, орками и свинособаками. Словно не они считали себя высшей белой расой Европы, наделённой миссией великого крестового похода на Россию, чтобы уничтожить русню поганую, этих недочеловеков, не имеющих право на существование.

Специальная военная операция не цементирует сознание общества, тем более давно расколотого вдоль и поперёк и золотым тельцом, и дурманыщими и одурманивающими идеологиями, верами, ересью. Вот война бы, пожалуй, смогла сцементировать. Во всяком случае провести санацию. Но её нет. Нет в природе – есть только специальная военная операция. Специальная. Это когда одни жертвуют собою, а другие ненавидят их за эту жертвенность. Когда одних обязывают защищать страну, а другим дают карт-бланш покинуть её без всяких последствий. Ну, что же, проходили в четырнадцатом, колыхнули тогда страну, да из болота равнодушия не вытащили, опять туда же загнали с испугу.

Матушка Ирина из сельского храма сказала, что происходящее – кара Божья за равнодушные, за черствость людскую, за каинство, за сознание иудино, и что Россия продолжает Отечественную войну за право жить на этой земле, говорить на родном языке, исповедовать веру предков.

Отечественную – это верно, в нашем сознании она такая и есть. С фашистами ведь сражение идёт, с настоящими, корневыми. Точнее, с пещерным украинским нацизмом. Хотя, может быть, и гражданская. Во всяком случае, как-то в Сватово на школьном дворе, где раздавали гуманитарку беженцам, мой ровесник сказал, что это продолжение гражданской войны. Опять одни русские схлестнулись насмерть с другими русскими, но не признающими себя таковыми, и крошат друг друга на потеху англосаксам, паскуднейшей нации, всегда стравливающей всех и вся. Он родом из Сибири, отставник, служил в Советской, потом в Российской армии, а дослуживал уже в украинском МЧС. Жена уговорила переехать в Северодонецк, там же ушел на пенсию. Начальник посодействовал стаж восстановить – нормальный мужик, хоть и западенец, но другой совсем, не бандеровец, советский. Когда наша арта город сносить стала, этажность снижать, решили выбираться. Как ввосьмером втиснулись в старенький «жигулёнок» – один бог ведаёт: сам с женою, сосед-колясочник со своей старухой, да кум с женой и двумя внуками. Вырвались, да только здесь местные власти не рады им: чужая беда – не их беда. Раз сами выехали – значит, не беженцы, потому с довольствия сняли. Хорошо, хоть признанные настоящими беженцами с ними делятся да ещё военные помогают. Так что в сознании этих «осво-

бождённых» они проходят по второй категории свежести – были ненастоящими украинцами, теперь ненастоящие беженцы. Почему гражданская? Да вот поэтому. И не просто гражданская – по сути этническая, поскольку себя украинские нацисты выделили в особый суперэтнос, а это уже страшнее. Эти, сватовские, тоже щирые украинцы, вернись завтра прежняя власть – с хлебом-солью встречать будут, не так как Мозгового в четырнадцатом¹⁸. У них до сих пор Ильяшов¹⁹ по разряду знатных земляков проходит, а Мозгового с его «Призраком» за голытьбу держат. У них мерки по толщине мамоны, а не по вере и совести.

Он ещё много чего поведал о характере сватовцев, истинных граков, как презрительно называли их воспитанники Макаренко в «Педагогической поэме».

Город контрастов этот заштатный городок Сватово, больше тяготеющий к Харькову, нежели к Луганску, ставший в одночасье оплотом украинства. Не случайно именно здесь Киев сосредоточил центральную луганскую власть: полицию, суды, прокуратуру, эсбэу, чиновничество. Это не шахты Донбасса – здесь тучные чернозёмы, целые аграрные латифундии и фермеры-миллионеры, джоны дыры с джи-пи-эс, судьи, силовики и чиновники, владеющие по совместительству магазинами, кафе, отелями, складами, фермами, и их дети в престижных лондонских гимназиях и университетах и... разбитые вдребезги дороги, оскудение сёл и хуторов, задыхающийся в пыли сам город со следами (или артефактами?) украинства: бюст Тараса Шевченко – эдакая огромная позолоченная ленинская голова на постаменте, только сбрили бородку, долепили усы и напялили капелюх, в обязательном порядке памятник жертвам Голодомора, землякам, павшим на фронтах Второй мировой (не Великой Отечественной, а именно Второй мировой), «чернобыльцам», «афганцам» и обелиск «Светлая память защитникам Украины» – ВСУ, «айдаровцам», бойцам всевозможных нац- и тербатов. Толерантность, а вообще-то каша несусветная в головах, воплощенная в камне.

9

Мы зайдём на окраины Харькова и даже закрепимся в ожидании основных сил. Мы сообщим о снайперских засадах на верхних этажах улиц имени Натальи Ужвий и Леся Сердюка, о подготовленных «мешках» с джавелинами и энлау. Мы многое успеем передать и будем недоумевать, почему никто не снизил этажность, уничтожив эти гнёзда.

В город войдёт отряд второй ОБрСпН²⁰, выполняя бессмысленный приказ, и героически погибнет: часть в районе дендропарка, часть в 134-й школе. Кто отдал приказ на вход в город силами крохотной группы спецназа? Почему не пришло подкрепление? Кто остановил наступление? Кто вообще устроил эту замануху, обманув ребят?

А нам поступит приказ: оставить Харьков, уйти обратно за кольцевую в Циркуны и вместе с другими подразделениями стать лагерем на краю леса. Этот приказ мы выполним, но с корректировкой: на опушку леса не пойдём, а займём несколько брошенных домов на противоположном краю села, а по лесу ВСУ на рассвете нанесут удар РСЗО и миномётами. По тому самому месту, где должны были расположиться на ночь мы. А колонны «мотолыг» и «буханок» двинутся по кольцевой прямо в западню, где их пожгут и брошенные тела погибших будут коченеть, припорошенные снегом.

О них не расскажут официальные лица минобороны. Во всяком случае не сегодня. А всё потому, что происходящее здесь из разряда «вылотекущие бои местного значения». Рваная очаговая оборона в сёлах и посёлках на дорогах, ведущих в Харьков – через Русскую Лозовую, через Липцы и Циркуны, через Волчанск, через Купянск. Периодические обстрелы – обычная

¹⁸ Весной 2014-го местная самооборона не пустила в город казаков бригады «Призрак» А. Мозгового.

¹⁹ Ильяшов Григорий Алексеевич – генерал-полковник, председатель Службы внешней разведки Украины (2010–2014).

²⁰ ОБрСпН – отдельная бригада специального назначения.

рутина фронтовых будней. Иногда мы щедро, с размахом утюжили «градами», накрывая ракетами плотно, но чаще работали миномёты: полдюжины-дюжина мин восьмидесятых и сто двадцатых ложилась веером. «Ответка» не задерживалась, и летела смерть обратно, перепахивая поля и круша дома. А войны не было – так, нетипичная специальная военная операция.

Ожидания на молниеносное проведение операции постепенно сменились недоумением, затем разочарованием, потом осмыслением и пониманием, что всё равно отступать некуда. Вызревала злость за бессилие и беспомощность что-то изменить, хорошая злость, та самая, что сжимает в кулак волю к сопротивлению.

Мы не военные. Мы не обучались в военных академиях. Мы полные профаны в военной тактике и стратегии. Максимум военного образования – это учебник сержанта Советской армии или военная кафедра университета. Но мы знали, что при проведении колонн обязательны как минимум передовой и боковые дозоры, боевые походные заставы, замыкание, не говоря уже о других обеспечительных мерах, связи, дистанции. Почему ничего этого не было? Пофигизм, извечный русский авось или нечто другое?

Мы понимали, что надо «зачищать» не только те села, посёлки и города, что расположены вдоль стратегических дорог и по которым заходили колонны. Надо было «расползаться» вширь, охватывая и прочесывая окрестности. Надо ставить комендатуры и блокпосты, «связывая» их если не радиосвязью, то хотя бы проводной. Надо было лишать связи местных – это реалии прифронтовой зоны. Надо было вводить режим – комендантский час, пароли, патрулирование, блокпосты, но ничего это не было сделано. Почему?

Надо было организовывать агентурную работу на этой прикордонной территории, нащипованной глазами и ушами СБУ. Надо было заниматься фильтрацией выходящих в Россию беженцев, брать на карандаш наркоманов и алкашей – самый управляемый криминогенный контингент, просеивать сквозь мелкое сито судимых, брать на учёт больных, а их было великое множество – по Украине гуляли под ручку ковид, туберкулёз, вензаболевания.

Почему эти функции передали структурам ЛНР, введя их на территорию Харьковской области? Для чего сотворили территорию правового беспредела, отдав освобожденные земли Харьковской области МВД ЛНР? Неужели не понимали отличия в психологии тех и других?

– А-а-а, суки, отсидеться решили? Вы тут восемь лет жировали, наши города да шахты утюжили, ну так долг платежом красен...

И отдавали харьковчане луганчанам долги, которых, в общем-то, и не было, и густо замешивалась да заваривалась теперь уже новая вражда. И трещали под ударами прикладов и берцев двери домов, и выгонялись со дворов «отжатые» машины, и потекли ручейки зерна, семечек и удобрений из хранилищ в... Да, в общем-то, и не важно, куда, главное – откуда, в чьи карманы и почему. И пришла на Украину новая гражданская война (или прежняя?), превратив её в привычное для неё «гуляй поле» – территория атаманов и атаманчиков с покорно ломающими шапку селянами да горожанами. И место закона заняло право силы человека с автоматом.

Неудивительно, почему местные радовались, когда село или посёлок занимали российские войска. В их сознании Россия – это всё-таки территория права. Это дисциплина и порядок. Это разделённый поровну кусок хлеба, бутылка воды и последняя рубашка, снятая с себя. Это другие русские. Уйдут луганчане, уйдут донецкие, а нам жить с харьковчанами, рикошетом принимая обиды, нанесенные другими. Конечно, это частности, но всё же...

А были ещё несчастные больные люди – диабетики, гипертоники, сердечники, которые оказались брошены и обречены на угасание сбежавшими врачами. И молили о помощи беременные, роженицы, детишки, старики, которым как никому необходимы были тепло и еда. Но они оказались никому не нужными, и армия, наша армия, на свой страх и риск, стала подкармливать их и пытаться лечить. Так почему поначалу (и даже пару недель спустя) никому не

было дела до этих несчастных? Протянутая рука помощи могла бы сразу же развернуть этих «освобождённых» лицом к России, но контраста так и не случилось.

Необходима была власть, нет, не военных с автоматами, а гражданская, заботливая и доступная, которой не было. А ещё нужно было вдалбливать в сознание людей, что Россия пришла не захватывать их земли, а возвращать и объединять, что пришла не злой мачехой, а матерью.

Конечно, мы не могли ничего изменить – сами были здесь, за «лентой», на птичьих правах. И всё же оставаться сторонними наблюдателями не могли, потому взялись за возрождение замершей жизни по своему разумению.

10

Нас «прикрепили» к чевэкашникам. Точнее, к подразделению, состоящему из резервистов и не очень резервистов в силу запредельного возраста, заключивших краткосрочный контракт с армией. Так что это были не ЧВК в буквальном понимании, и называли их таковыми лишь в силу незнания нюансов организации службы и их правового статуса. Ну а для удобства назовём этих мужиков резервистами-контрактниками.

То, что будет изложено ниже – это наш взгляд, довольно субъективный и, конечно, вовсе не отражающий всего многообразия многоуровневых отношений армии, частных военных компаний, резервистов-контрактников, Росгвардии, «дружеских армий» ДНР и ЛНР, силовых структур этих республик, резервистов ЛДНР, по привычке называемых ополченцами. Да он объективным и быть не может, хотя бы потому, что наши знания этих отношений мизерны. Что нигде и никем не прописана компетенция субъектов проведения спецоперации. Что до сих пор неясен правовой статус этих формирований, лукаво именуемых «добровольческими». С какого рожна, если их любовь к России и готовность её защиты измерялась денежным эквивалентом? Такое могло родиться только в извращённом сознании чиновников, будь то чиновники АП или минобороны. Что чётко не обозначены правовые основания нахождения участвующих в операции на территории Украины, их права и обязанности, правовые границы их прав и обязанностей, их правовая ответственность за негативные последствия. Непонятны субъекты принятия решения об ответственности российских военнослужащих, бойцов и командиров частных военных компаний, военнослужащих ЛДНР. Какие права у элэнэровского МВД на территории освобождённых территорий в отношении местных жителей, наших волонтеров-гуманитарщиков, чевэкашников, армейцев? Много чего находилось вне правового поля. Но об этом как-нибудь в другой раз, а пока об иррегулярных подразделениях минобороны.

Говорят, что первый взгляд, как правило, ошибочен. И всё же было то, что сразу бросалось в глаза, из чего можно сделать вывод, и он оказывался безошибочен. Во всяком случае время подтвердило правоту первого взгляда. Это как стрельба навскидку: поймал цель в прорезь прицела и жми на курок – попадание почти стопроцентное. А если выцеливать, то и глаз устанет, и палец, и дыхание сорвётся, в результате вроде и цель отчётливо видишь, да только пуля мимо пройдёт.

Не знаю, как на других направлениях воевали эти отряды, но на нашем воевать в буквальном смысле им не пришлось. Говорят, что отряды резервистов-контрактников воюют умело и жестко. Правда это оценка уже поздних иррегулярных частей, занятых на изюмском направлении. Но эти первые Ясоны, Доки и им подобные здесь, на харьковском направлении, резко отличались от армии. Во всяком случае, формирования «первой волны». Они в чём-то неуловимо иные, чем их «однофамильцы» на Донбассе в четырнадцатом. Да и были они поначалу во втором эшелоне, хотя тогда-то и первого, в принципе, не было. Он появился позднее, когда наши части вошли в боевое соприкосновение с подразделениями ВСУ, нацбатов и тербатов.

Что там неуловимо – уловимо и ещё как: те, донбасские четырнадцатого года, были идейные. Деньги – это не идея, это мотив. Так вот нынешние были мотивированы на материальную составляющую. Это была цель, для достижения которой все средства хороши, потому и продержались они всего пару-тройку месяцев, постепенно сойдя на нет. Было что-то общее? Немного.

Так же замкнуты в себе. Так же носители и хранители доверенной им и только им великой тайны. Какой? Да не важно, главное – великой! Так же экипированы по самую макушку. Так же в «балаклавах», напрочь скрывающих лица. Те же острые, с прищуром, взгляды, недоверчивые, режущие. И всё же другие, какие-то суетные, куда-то исчезающие и откуда-то возвращающиеся с таинственным видом. Сторонящиеся местных – враги, блин, мочить надо через одного. Во многом маргинальные, довольно циничные по отношению к закону, признающие только исключительно своё право на силу.

Но были – были! – среди них редкой алмазной россыпью идейные ребята. А может, и не так уж и мало их было. Может, просто затмевали их другие своей бравадой, своей показной и прущей недоброй силой. Большинство польстилось на обещанные две тысячи баксов в месяц плюс «боевые» – огромные деньги при скудости зарплат на гражданке. К тому же обещали лёгкую прогулку, да и срочные контракты у большинства заканчивались последним днём февраля или первыми числами марта. И тайне надеялись, что воевать по-настоящему не придётся.

Потом кто-то пошёл в «отказ», разрывая контракты либо отказываясь выполнять боевые задачи. Но это будет позже, когда взэсушники, окрещенные нашей пропагандой сплошь бандеровцами, нацистами да фашистами, стали насыпать нам «на хвост».

Этих нахрапистых, крутящихся вокруг командира-пахана «добровольцев» всё-таки было гораздо меньше, но тень, отбрасываемая ими, накрывала весь отряд. К тому же у них была командирская власть и право определять размер оплаты, в том числе «коэффициент боевого участия». В какую светлую голову пришла идея вытащить из советского прошлого одобренную нафталином и в общем-то неплохую идею определения коэффициента трудового участия бойцов комсомольских стройотрядов? Это как? Кто ниже склонил голову под свистящими осколками, тот трус и ему срезать «боевые» на десяток или два процентов? Кто «отжал» (слово-то какое мерзкое, мгновенно вошедшее в обиход там, за «лентой») машину для командира, того надо стимулировать отнятыми у бойца деньгами? Да не приемлемо это в армии вообще, а на войне в частности. И потом, за такие фокусы можно и пулю схлопотать в затылок. Знали всё это Ясоны и Доки, потому и близко их не было на передовой, и спешили удовлетворить свои коммерческие желания посредством своих приближённых.

Увы, наделенные властью на формирование подобных условно-военно-добровольческих структур вывод из первых недель боевых действий не сделали и ринулись насыщать направления – харьковское, изюмское, запорожское, херсонское – новыми коммерческими структурами вроде БАРСа. Такое ощущение, что отнюдь не для войны, а для зарабатывания на войне создавались они, потому что отличие «барсов» от предыдущей категории резервистов-контрактников (опять-таки на примере боя под Русской Лозовой) лишь в скорости покидания позиций. И если вторые просто расторгли контракты, сдавали оружие и расходились либо перебирались в другие подразделения, а идейные шли в войска и воевали (ещё как дрались!), то первые порой просто банально бежали, бросая оружие. Может быть, так случалось только здесь, но, увы, случалось.

Жизнь этих первых отрядов иррегулярных подразделений, окормляемых определёнными структурами Генштаба, будет коротка – от силы пару месяцев. Но этого оказалось достаточно, чтобы понять главное: за деньги на амбразуру не ложатся и родину не защищают. Для них родина там, где платят. Коммерциализация войны – дело доходное, начиная от примитивного мародёрства до масштабного дележа собственности, но результат всё равно будет плачевным: зло – понятие кармическое и бумерангом возвращается на исходную. Война – это

отноудь не Голливуд. Вышагивать гусаками по улицам села в бронике и разгрузке, киношно держа автомат – это одно, и пребывание в опасности, пусть даже призрачной и мнимой, греет ощущением своего величия.

Но закончилась эйфория первых дней, пообжились, пообтёрлись, пригляделись, всё чаще стали «прилёты», появились первые раненые, а заодно потускнел былой лоск, и глухой ропот пополз по подразделениям. А тут ещё рубль, рванувший было вниз, остановился после того, как Президент насупил брови, и медленно пополз вверх, переводя доллар в партер. Скучнели наши герои и всё чаще под любым предлогом выбирались в Белгород, чтобы успеть по выгодному курсу обменять «зелёные» и отправить домой то, чем поделилось минобороны.

Может быть мы были неправы, судя об этих людях по себе: нас не надо было мотивировать. Мы ещё жили идеями четырнадцатого года, идеями Русской Весны», хотя прекрасно понимали их социальную наивность и призрачность их реализации. Нас коробило, что им были «до лампочки» идеи русскости – они-то пришли сюда из-за денежки, а всё остальное вторично.

Кому пришла мысль устроить войну на коммерческой основе? Не понимали разлагающего начала этой затеи? Не понимали, что плата резервистам-контрактникам вдвое, а то и втрое больше, нежели солдатам и офицерам регулярной армии, низводит последних в категорию людей второго сорта? Не понимали, что передача командирам этих подразделений права определять размер оплаты своим бойцам неминуемо приведёт к обнулению их авторитета и без того мизерного? Да понимали всё и, быть может, даже кто-то риски просчитывал, только алчность взяла верх.

Мы не понимали, как можно отказаться выполнять приказ? Как можно отказаться штурмовать село или опорник? Как можно было оставить Циркуны, Русскую Лозовую, Русские и Черкасские Тишки и ещё с десятков сёл и привести врага к границам области? Где приказ 227?²¹ Мы были слишком категоричны в своих оценках, но этот юношеский максимализм был, конечно же, неуместен. Мы многого не понимали и многого не знали и, возможно, никогда не узнаем рычаги и механизмы принятия подобных решений. И слава богу! Но мы жаждали скорейшей победы над безжалостным и беспощадным врагом.

И всё чаще и чаще звучало мерзкое слово «договорняк», ассоциирующееся в сознании бойцов с предательством. Гостомель – предательство, Стамбульские переговоры и зерновая сделка – предательство, отступление от Харькова – предательство. Пытался убеждать, что мы просто многое не знаем, что политика великое искусство и нам, смертным, овладеть им не суждено, что договорняк и предательство – это слишком примитивно, что может быть всё так и было задумано. Взял на себя работу замполита, вроде бы и самый умный, а в глазах бойцов сомнение: может, и не умный вовсе, а дурак дураком?

Прояснение в мозгах при условии их присутствия наступит позднее, когда придётся делиться с селянами хлебом и сигаретами, кого-то эвакуировать, а то и спасать, вывозя из-под обстрела. И это ощущение необходимости заботы о ком-то другом стало менять их психологию.

Конечно же были среди них мужики настоящие, которым было плевать на зарплаты и для которых контракты стали лишь средством материализации участия в этой войне. Те из них, кто не сложит голову в самом начале, не будет ранен или вернётся после госпиталя в строй, перейдут в регулярную армию, понимая, что с этой партизанщиной не навоюешь. Что шёл от этой организованной кем-то вольницы криминальный душок, отравляющий не только отряд, но и души бойцов.

Рассредоточенные по сёлам донецкие и луганские ополченцы максимум на что были способны, так это добежать либо до ближайшей армейской части, либо до российской границы.

²¹ Приказ народного комиссара обороны СССР «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» от 28.07.1942 № 227.

Отловленные по подъездам и кафе, собранные с улиц городов, голодные, больные, раздетые и разутые, скверно вооружённые, необученные, они были годны разве что на создание видимости силы. Это потом, выжившие в мартовских и апрельских боях, они научатся умению владеть автоматом, искусством окапываться, выбирать позиции, строить опорники и станут мало-мальски солдатами. Но не они были виноваты в своём неумении, а те, кто бросил их в самое пекло, ничему не научив.

Когда ВСУ, нацбатальоны и тероборона двинутся от Харькова к нашей границе, на их пути окажется армия – упорная, упрямая, способная ломать и перемалывать, российская армия, носитель традиции русской, Красной, Советской армии. Они будут сжиматься пружиной, вызывая гордость своей стойкостью и самоотверженностью. Но пружина имеет свою степень сжатия и распрямляется стремительно и мощно. И дай бог, чтобы не резко.

Март

1

Судя по всему, больше нескольких дней никто воевать не собирался: «мотолыги» и «буханки» – это не бронетехника прорыва и решения тактических, а тем более стратегических задач. Полевые кухни отсутствовали, во всяком случае ни в одной заходящей-проходящей колонне их не было видно и в помине. Медицинско-санитарная служба организовывалась с колёс штатными санинструкторами и врачами на базе больниц и медпунктов, брошенных местными персоналом на произвол судьбы. Шли измотанные в зимних учениях войска на технике, ресурс которой был на пределе. Было ещё много маркеров, которые говорили о неготовности к длительной и изнурительной войне. Впрочем, мы всегда не готовы: к войне, к посевной, к уборочной, к зиме, к выпавшему снегу. Ко всему и всегда, что, однако, не мешает поднатужиться и выправиться.

В первый день ещё жили эйфорией почти бескровного вторжения, а потом оказалось, что украинская армия – и неважно будь то ВСУ или нацбатальоны – может сопротивляться, стрелять, жечь колонны, отставшие машины, тыловое сопровождение, брать в плен, издеваться, убивать.

И уже дня через три-четыре, попав сначала под Циркунами, а потом в Черкасских Тишках под миномётные обстрелы, глухо и едва слышно зароптали некоторые резервисты-контрактники, успевшие заказать столики в кафешках Харькова, поползли слухи о «договорняке» и о том, что харьковские чиновники и бизнесмены предали и отказались сдавать город. О том, что такая война контрактом не предусматривалась и если так и дальше пойдёт, то надо смахиваться.

Сначала это нас удивляло, потом стало раздражать и, наконец, взбесило. Недобрым словом поминали эту «Свадьбу в Малиновке», пана атамана в лице Ясона (не хватало только захваченного монастыря и невесты) и шустрых Попандопуло, готовых разбежаться на все четыре стороны. Был «договорняк» или нет – какая разница: раз ввязались в драку, так будь добр, дерись до конца и не просто сражайся, а побеждай! Не за государство ведь воюешь, не за власть, а за Державу, за Отечество, за Россию. И если слепленные от великого ума анархизирующие отряды резервистов не отличались рвением, то армия не роптала. Армия выполняла задачу, стиснув зубы. Армия понимала, что отступать нельзя и война может быть остановлена только на прежних границах великой империи. Нас поражал имперский дух армии – империи уж лет тридцать, как нет, комиссаров и замполитов тоже нет, солдаты – поросль зелёная, а дух имперский есть. Остался или вновь выпестованный – неважно, но есть! Всё-таки сохранили в себе на генном уровне память поля Куликова, Бородинского и Прохоровского.

Из-за сложности передачи отснятого материала и последующего монтажа часть видеорепортажей по харьковскому направлению идут не день в день, а с некоторым опозданием. К тому же подавляющая часть съёмок видео и фото осуществляется на телефон – собранная по крохам аппаратура вышла из строя, повреждена или погибла (именно погибла, потому что видеокамера и фотоаппарат тоже сражаются), а оставшаяся в живых единственная камера передана профессиональному военному «ANNA News» Саше Харченко. Монтаж помогают делать волонтеры на своих домашних ноутбуках – у нас общественная организация, нет программ и специалистов, нет средств, чтобы оплатить работу, поэтому давим на сознательность. К счастью, таких добровольцев хватает. Вот и крутимся, как можем.

Мы не занимаемся пропагандой – это удел журналистов и официальных СМИ. Мы несём слово правды, какой бы она ни была, но не в ущерб нашей России, не в ущерб нашей армии.

Для нас она свята, это наша элита, и именно из таких офицеров и солдат надо будет строить новую Россию. Во всяком случае мы уже видели другую Россию и настоящую элиту.

Наши репортажи – это свидетельства очевидцев и участников, это сопереживания, боль, гордость, осознание, размышления, рассуждения и понимание. Итожить будем потом, будут оценки и не всегда парадно-восторженные, потому что война – это не танковый биатлон и проход строевым парадными коробочками под звуки оркестра, но любая оценка всё равно останется субъективной. Горизонты для объективности у нас не те, а большое, как известно, видится на расстоянии. Из окопа виден сектор стрельбы, но не более, и ты можешь материть сколько влезет комбата, комполка или комбрига, а ещё лучше министра обороны, виня в том, что выставили против батальона укров взвод или даже отделение, отдавая их на заклятие. И по-своему ты будешь тысячу раз прав потому, что распорядились твоей жизнью, но больше будут правы те, кто сделал это. Хотя бы потому, что взяли на себя ответственность поступить так, а не иначе, исходя из стратегии войны. Ругать и обвинять всегда легче, порой и оправдаться ой как не просто, хотя истина рядышком совсем. И всё же те, кто принимает решения, мыслят иными категориями, по законам больших чисел, и они будут более правы, нежели те, кто их осуждает. Потому что они принимают ответственность не просто за жизнь конкретного человека, а за историческую судьбу страны, государства, народа, нации, этноса. Их вправе судить только история.

Комбат послал полувзвод разведки – всё, что у него оставалось – удержать село. Два десятка – рядовые, три сержанта, прапорщик и лейтенант – против целого батальона укров. Держались девять (!) часов и отошли по приказу. А потом их вновь сразу же бросили в бой, чтобы вытащить попавших в окружение мотострелков. Мало кто верил, что они удержат село, а они выстояли. Мало кто верил, что они смогут вывести пехоту, а они смогли. Комбат знал, что посылает их на верную смерть, но был приказ, который он обязан был выполнять, не объясняя, что весь резерв – это он сам. Он просто сказал им: «Надо, сынки. Никто, кроме вас», и они молча пошли и сделали то, что было выше человеческих сил. Можно ли винить комбата, погибни они? Конечно, да, ведь он послал их на смерть, а сам остался жить дальше. Но это с точки зрения какого-нибудь кухонного моралиста, а у войны своя мораль. И правда, суровая и безжалостная, всё-таки за комбатом. Уходит один человек – и мир становится беднее на целый космос. А если два десятка жизней? Вопрос цены: за те девять часов ада, что держали его бойцы село, почти полтысячи женщин, детей, стариков удалось спасти. Комбат лично встретил разведчиков, обнял каждого, прижимая к груди, потом присел на снарядный ящик. Он так и сидел, запрокинув голову и привалившись к старой акации. Со стороны могло показаться, что уставший комбат залюбовался звёздами, потому и молчит. Сначала его окликнули, потом тронули за плечо, заглядывая в лицо, но он не отвечал – остановилось сердце. Улыбка застыла в уголках его губ. Он был счастлив.

2

Забазировались на окраине Липцев в здании райотдела. Уходя, хозяева оставили ключи в замках дверей кабинетов – надеялись на скорое возвращение. Однако двери наши «моджахеды» «открывали» ударами берцев и прикладов, отчего многие из них безвольно повисли на полувырванных дверных петлях. Потому и гуляли вольно и разудало сквозняки по коридорам и кабинетам, принося морозную свежесть. Хотя какая к чёрту свежесть – на улице было теплее, чем в помещении. На столах целёхонькая оргтехника, в шкафах новенькая форма. Казалось бы, заходи – работай, но жуткий холод окутывал стылостью мгновенно, как только входил в тёмный коридор: батареи отопления источали ледяное дыхание.

То ли наши сдуру, то ли укры намеренно, но сразу же после артподготовки за Волчанском завалили опоры высоковольтной линии, обесточив всю округу до самого Харькова. В резуль-

тате встали насосы, перестав подавать воду. Заброшенные в годы самостоятельности и давно нечищенные редкие колодцы быстренько вычерпали до грязно-зеленоватой жижи. Лишь кое-где ручной качалкой ещё добывали воду, которой едва хватало на несколько улиц, да запасливые и рачительные хозяева, всё же сохранившие свои колодцы, позволяли набирать не больше ведра в одни руки – когда ещё дадут свет, а вода имеет свойство заканчиваться даже в скважинах.

Ревмя ревели не доенные коровы на ферме – ни воды, ни корма. Визжали голодные свиньи – всё поголовье спустя несколько дней пустят под нож. Магазины посёлка взирали на опустевшие улицы разбитыми глазницами окон, и в глубине виднелись пустые витринные полки. Передовые отряды проскочили посёлок с ходу, тылы не подошли, вот местная шпана и порезвилась во временное безвластие, пограбив магазины. Жили ведь с магазинов, своих запасов в подвалах негусто, да и не разговеешься соленьями да маринадами, вот местные и ринулись за дармовыми запасами.

Жизнь остановилась.

Требование Ясона не покидать расположение нас не устраивало – надо было снимать, встречаться, беседовать – репортёрская работа требовала движухи. Сиди ни сиди, а ничего не высидишь, кроме геморроя. И Ясон сдался, коротко бросив Бате:

– Обеспечь.

У того своих забот полон рот, а тут эта напасть в виде старичков-разбойничков. Спасло то, что он оказался не просто Вити Носова земляком, а еще и лучшим приятелем. В «личку»²² Батя выделил нам Ленска²³ – неразговорчивого иркутянина неопределенных лет: то ли сороковник, то ли полтинник разменял (поди разбери, когда напаялил балаклаву и только глаза сверкают). Как будто всю жизнь работал в «личке» – молча занимал позицию за спиной справа или слева так, чтобы сразу же взглядом максимум охватывать и то, что спереди, и справа, и слева, вычленив из сектора огня возможные препятствия. Профессионала сразу отличаешь по тому, как лежат его пальцы на автомате: указательный на спусковом крючке едва касаясь, большой – на флажковом переводчике огня.

Ленск не выразил своего недовольства, но он человек системы, приказ для него – закон, и он молча топал следом, лишь изредка бросая:

– Туда бы не надо. Дайте-ка я первым пойду.

И шёл уверенно и одновременно мягко ставя ногу, будто скрадывая добычу – сказывался опыт таёжного охотника. На ходу разговорились, хотя «разговорились» это слишком: Ленск отвечал односложно, говорил отрывисто и внешне неохотно, не выпуская из поля зрения ничего вокруг. Оказалось, служил в уголовном розыске, капитан, потом уволился. Работал в службе безопасности какой-то фирмы, а тут война. Заключил контракт с минобороны и оказался в отряде Ясона.

Работал он с нами всего несколько дней, а потом мы перешли к Доку²⁴, но всегда вспоминали о нём с теплотой – больше такого, как Ленск, у нас не было.

3

Сначала обследовали два этажа и выбрали пару кабинетов на первом – в них хоть двери закрывались. К тому же с этажа один выход вёл во двор, второй – на дорогу и далее в поля, так что в случае опасности шансы выбраться увеличивались вдвое. Хотя двор был огорожен

²² «Личка» (сленг) – личная охрана.

²³ Ленск – позывной добровольца из Иркутска. После расформирования подразделения ушел в армию, воевал, был тяжело ранен.

²⁴ Док – позывной командира подразделения, самораспустившегося в середине мая.

бетонным забором с непреодолимой «егозой»²⁵ по всему периметру и заставлен машинным хламом, среди которого были втиснуты фура, забитая стреляющим и взрывающим, несколько «буханок» с аналогичным содержимым и пара «уазиков», но выбраться через него на вольные хлеба было из разряда фантастики.

И первое впечатление, и последующее детальное изучение нашего временного пристанища и периметра укоренило в мысли, что это не крепость, способная выдержать осаду, а самый настоящий капкан в случае осложнения нашей вольной жизни.

Взяв лист бумаги и карандаш, отправился к Ясону на второй этаж, где он оборудовал свой штаб. Расчистив место на столе, заваленном выпотрошенными телефонами, положил лист бумаги и стал вычерчивать на нём наше здание, периметр, возможные огневые точки. Тот смотрел на меня отрешённо, слушал молча, искоса бросая взгляды на ошалевших от моей непосредственности своих заместителей, словно говоря: «Оказывается, это говорящее чудо в афганском бушлате что-то смыслит», но возражать не стал. Видимо, мои седины произвели впечатление умудрённого и кое-что смыслящего в военном деле, поэтому кивнул своему заму Шайтану: займись. Тот внимательно выслушал советы, где поставить пару пулемётов, что надо освободить двор от хлама и выгнать лишнюю технику со двора, а фуру вообще отогнать на полусотню метров от здания и выставить дополнительные посты. Вздохнув, он скучно и пресно поведал, что обороняться они не собираются и что он уже заказал столик в самом шикарном ресторане Харькова.

Дураков и дуболомов в жизни повидал немало, так что Шайтан отнюдь не представлял собою редкий и раритетный экземпляр. Второй зам Балу, хоть и собирался разделить со своим приятелем трапезу в ресторане, но отнёсся к моим советам с пониманием. Во всяком случае к вечеру двор был расчищен от битых и полуразобранных машин – трофеев ретивых местных даишников²⁶, а на втором этаже соорудили пулемётную точку.

Стали обживать: сколько нам отпущено здесь прожить – одному Господу известно, но жизнь должна быть по максимуму комфортна.

Для начала отыскиали веник и швабру, после чего взялись за уборку. Через час выгребли и вымели мусор, вымыли полы и стали разбирать содержимое столов. В общем-то ничего примечательного, если не считать топографические карты, офицерские линейки, карандаши и ручки, свечи и спички, пару распотрошённых тревожных чемоданчиков. За столами нашли целую коробку новеньких масок, в столе список ковидных и венерологических больных. В шкафу несколько комплектов формы офицеров полиции – за ненадобностью сложили в отдельный короб и задвинули в угол.

Витя – мужик хозяйственный и обстоятельный, недаром был старшиной роты. Пока мы с Камой изучали карты, он обследовал соседние кабинеты и рекомендательно-распорядительно, с ноткой вкрадчивости, произнёс:

– Мужики, в соседних кабинетах есть диваны, надо бы сюда занести – не спать же на бетонке.

Витя мог зарядить осознанием необходимости выполнять всё, что он говорит – особый дар советского сержанта, на котором держалась Советская армия. На бетонном полу спать себе дороже: прощай почки и да здравствует воспаление лёгких, поэтому с энтузиазмом взялись перетаскивать этих старых динозавров. Они были громоздкие и тяжеленные, по коридору протискивались исключительно боком и их опрокидывали на попа, чтобы втиснуть в дверной проём кабинета. Витину заботу мы оценили потом, когда приходилось менять дислокацию и

²⁵ «Егоза» – спиралевая колючая проволока с режущими пластинами (лезвиями).

²⁶ «Даишники» – от ДАИ – державная автоинспекция, функционально соответствует российскому ГИБДД.

располагаться на голой бетонке, застеленной газетами, или в лучшем случае на карематах²⁷, сверху накрытых тонюсенькими летними спальниками.

Витя, наша заботливая нянька, где-то надыбал и приволок моток провода, просверлил, точнее, проковырял в створке окна дырку, через которую протянул жилу, и подсоединил его к прыгающему и рычащему генератору. Свет! Потом он еще раз обследовал кабинеты и притащил полдюжины электрических чайников, которые раньше игнорировали за практической ненужностью.

Увы, генератор радовал недолго – запредельные нагрузки истощили куцый запас бензина. И опять выручил Витя, отыскавший стеариновые свечи – толстые, в два десятка сантиметров длиною. Над ними он умудрился приспособить какую-то железяку – эдакий таганок, источающий тепло. Сам Господь послал нам старшину советского десанта!

5

Закончив оборудовать наш «корпункт» и вооружившись пакетом с шоколадом и сигаретами, втроём в сопровождении Ленска отправились «в народ»: надо же было «прощупать» настроение. Вдоль улицы у дворов маячили группки местных – два-три человека. Около магазина с разбитой витриной – несколько относительно молодых женщин, мужчина лет эдак сорока пяти и двое-трое ребятишек. Они безмолвствовали, сбившись воробыной стайкой поодаль от насупившегося пустыми глазницами магазина с огромным амбарным замком на металлических дверях. Взгляды настороженные и в то же время с нескрываемым любопытством: наверное, так взирали аборигены на сошедших на берег Магеллана со товарищи. Вежливое и даже добродушное: «Здравствуйте!» растопило ледок, и на лицах обозначились подобия улыбок. От дальних дворов отклеились кучки местных, и через минуты вокруг нас плескалось если и не людское море, то озерцо приличное. Кто-то улыбался, кто-то настороженно сверлил взглядом, кто-то изучающе косил глазом, но откровенной враждебности не было и в помине.

Мишка добросовестно щелкал затвором фотоаппарата, Витя добрым и щедрым Дедом Морозом извлекал из пакета гостинцы и совал в протянутые руки, а я вещал о необходимости свержения украинской власти, продавшейся американцам, и нашей великой миссии нахождения здесь. Народ внимал, изображая понимание и даже признательность, с огорчением поглядывая на тощающий в руках Носова пакет. Как только шоколад и сигареты закончились и на животрепещущие вопросы о том, кода будет свет, газ, откроется магазин и вообще всё это закончится, получив весьма неопределённые ответы, народ поскущел, дружно взял в руки телефоны, защёлкал кнопками и рассосался. Вымерла улица, и только мы, осиротевшие и немного растерянные от такого невнимания, стояли, кожей ощущая надвигающуюся опасность.

Через несколько минут полпакета «града» легло метрах в трехстах от нас на озимые.

– Ну вот и «спасибо» прилетело, – констатировал Мишка, неторопливо пряча фотоаппарат в футляр.

Он флегматичен, спокоен, чужд паники, без команды на землю не ляжет, поэтому ждёт распоряжения на дальнейшие действия. Триста метров – не критично, поэтому земельку нынче не обнимаем и не спеша топаем в свои хоромы.

6

Витя – волшебник, и уже через двадцать минут греемся кипятком, похрустывая галетами из сухпайка, который ссудил от щедрости душевной Батя, и обсуждаем местное население.

²⁷ Каремат (англ. Carry mat – переносной мат) – туристский коврик (пенка) из соединённых друг с другом пластин.

ние. То, что они навели «грады», объяснимо: пришли мы незваными, а незваный гость, как известно, хуже татарина. Хотя вроде бы и не гостями мы пришли – возвращающими земли русские, да только лишили света, газа, воды, еды и привычной жизни. Раньше за вилы народ брался, но цивилизация далеко зашла, теперь телефона достаточно. А ведь могут навести и на базу, поэтому отправляюсь к Ясону. Я здесь никто и звать никак – просто военкор фронтowego агентства, которого слушать не обязательно. Но поскольку наша группа «подсажена» ребятами из Главного управления, то терпят и держатся настороженно: а вдруг это агентство просто прикрытие, оперативное легендирование? Разочаровывать не торопимся – пусть так и будет, лишь бы делу на пользу.

Его нет – не вернулся с утреннего совещания, но присутствуют заместители – Балу и Шайтан. Именно присутствуют, поскольку не слишком озабочены тем, что происходит вокруг. Склонились над кучей сваленных мобильных и перебирают, выщелкивая сим-карты из одних и вставляя их в другие.

Разговора, в общем-то, не получилось. Так, вопрос-ответ и то сквозь зубы: я оказался явно не ко времени и не к месту. Но даже куцые односложные ответы прояснили ситуацию. Или сгустили окончательно, но это уже кому как. Короче, проверка окрестностей не проводится и в ближайшем будущем не предвидится – такой задачи командование не ставило. Связи с соседями не установлено – командование тоже ничем по этому поводу не озадачивало. Списки охотников (легальное оружие), правосеков, криминала, силовиков бывших и настоящих не составлялись, а значит, их не выявляли и не проверяли: командование не велело. Чем озадачивало их командование, так узнать и не удалось, но скорее всего ничем.

Насчёт ежедневных отлучек Ясона на совещания в Белгород – песня отдельная. Для чего их проводить, когда армия топчется у окружной и тасует колонны с техникой и личным составом туда-сюда? Риторический вопрос, который мы нет-нет да задавали друг другу, заранее зная, что ответа не будет. К тому же всё чаще и чаще командиры оставались на ночь в городе, мотивируя тем, что вечерние совещания затягивались допоздна, а утренние начинались слишком рано.

Вернувшись ни с чем, решил, что для начала сами займёмся организацией оперативной работы, не надеясь на воинство Ясона. И первым делом надо найти людей, которые могут быть нашими глазами и ушами.

У дежурки столкнулся с двумя рослыми бойцами, сопровождавшими двоих молоденьких ребят в гражданке. Думал, что местные, оказалось – пленные. Загнали свой «буцефал» в болото на окраине Борщевой – хотели путь спрямить, потому как дороги заняты нашими войсками, да не повезло. Сами выбрались, бросив свою шайтан-арбу, местный старик приютил, обогрел, накормил, нашёл плохонькую одежду внука, дал переодеться, показал дорогу на Харьков. Добрались почти до Циркунов – мотавшиеся машины не обращали на них внимания, а вот мимо ребят Бати не прошли. Ни растерянности, ни подавленности в лицах ребят не было – просто усталость. Один харьковчанин, другой херсонский. Русские. Контрактники. На гражданке работы не было, вот и подались в армию.

В ожидании войны жили с января – командиры все уши прожужжали, что русские нападут то на Рождество, то в конце января, то в начале февраля и устали ждать, поэтому ракетно-артиллерийский удар двадцать четвёртого февраля стал неожиданным. Командир приказал им задержать русских у моста перед Борщевой ещё в первый день, но бэтээр удалось починить только сегодня. Все дни находились неподалёку в ремроте, видели наши колонны, но к ним никто не заходил. Выполнять приказ не стали – бессмысленно, такая силища разматывает в мгновение. Будет ли ВСУ сдаваться? Вряд ли, мы же русские, будем воевать.

Говорили они спокойно и даже устало, и было в этой будничности что-то такое, что заставляло поверить: они будут драться, как и подобает солдату, присягнувшему на верность своей родине. Даром, что вээсушники – русские они, русские до кончиков ногтей. И даже ока-

завшись в плену, они не теряли достоинства. Пленные... Первые пленные, враги, украинцы, хотя и русские по духу. Но к врагам чувства-то иные испытывают, даже если не ненависть, то неприязнь, а тут только жалость. Будь моя воля – отпустил бы их...

Пленных вээсушников часа через полтора увезли в Белгород, так и не дав толком поговорить. Да и что, собственно, говорить? Всё равно скоро домой отпустят – войны-то осталось ещё на пару дней, ну, от силы, не больше недели со всеми формальностями вроде подписания капитуляции и всяких там протоколов.

Днём гоняли в сторону Харькова и обратно колонны с техникой – танками, бэтэрами, «градами», пару раз проходили «акации» и «гвоздики», один раз протащили «тюльпан». Где-то невдалеке грохотало, пару раз совсем рядом ревел наш «град», но мы уже привыкли и не обращали внимания. Перед сумерками потянулась очередная колонна бронетехники, но успела отойти меньше чем на полкилометра, как по направлению её движения лёг пакет «града». Из «мотолыг» высыпала пехота, но ни в поле, ни в лесопосадку не пошла: стояли и любопытствовали тут же на дороге. Потом погрузились обратно на свою чудо-технику, и колонна, развернувшись, прошла обратно, после чего всё стихло. Всё, судя по всему, война на сегодня закончилась.

К вечеру потянуло с севера холодом, хлюпающий под ногами перемешанный с грязью снег прихватило не на шутку, но это не очень огорчало: теперь крадущегося, а тем более идущего слышно было издалека. Посоветовал Балу насыпать битого стекла и жестянки вдоль периметра, но тот в недоумении изогнул бровь: зачем, коли на ночь выставляются посты. Объяснять и доказываться ничего не стал – себе дороже.

Ночь предстояло провести без света и в холоде. Пара свечей, установленных в каком-то металлическом цилиндре, едва пробивали темноту и создавали иллюзию тепла. Поздно вечером уходила в город машина, и с трудом уговорили Валентиновича уехать: оставаться здесь в таких условиях с его болячками было равносильно самоубийству. Он вроде бы и согласился, но уезжать никак не хотел и всё старательно изображал, что ищет что-то такое нужное, без чего покинуть этот не очень гостеприимный «отель» не может. Водитель нервничал – ночью можно было либо схлопотать от своих с перепуганного блокпоста, либо нарваться на укров, но Валентинович упорно и молча продолжал по пятому разу заглядывать во все углы, в шкаф и даже под диваны. Пришлось выталкивать его чуть ли не в спину, пообещав вновь забрать его с собою, как только сможем найти приличное жильё.

На прощание обнялись, крепко пожали друг другу руки, и я с облегчением вздохнул: вот и хорошо, что отправили старика, чего уж там грех на душу брать, хотя без его шуточек-прибауточек сразу стало неуютно и сиротливо. Он вроде бы и в тени постоянно – так, где-то в сторонке покуривает да словечками своими, меткими и с сочным матерком, будто гвозди вколачивает, а оказывается, и не надо шума, чтобы значимость свою для окружающих обозначить. Несколько часов оказалось достаточно, чтобы прикипеть к нему душой. Даже эту стылость в выстуженных кабинетах райотдела он сумел наполнить своим душевным теплом. Но ничего, Валентиныч, Харьков вместе брать будем!

7

За две недели войны практически так ничего и не написал. Во-первых, абсолютно не было возможности из-за цейтнота времени. Во-вторых, когда пальцы сводит судорога от холода и только успеваешь отогревать их дыханием, то царапать бумагу ручкой желания не возникает. В-третьих, вообще не хочется ни о чём рассказывать, тем более, когда не можешь понять царящую бестолковщину и объяснить её причины. В-четвёртых, за день так изматывались, что неимоверная усталость дополнялась внутренней опустошенностью и вместе напрочь гасили едва теплящуюся потребность работать.

Первая группа ушла ночью двадцать четвертого... Вообще-то задачу вести репортажи им никто не ставил: ещё накануне закрепили каждого из них за своим направлением и развели по подразделениям, даже не дав попрощаться. Первые двое суток было не до фотокамер и блокнотов – память, память и еще раз память. Все надежды на память, чтобы потом не затертое адреналином, не наслоённое виденным, проникшее в мозг и сердце увиденное и услышанное передать короткими репортажами-зарисовками. Да и записывать было не на чем и нечем – ни блокнота, ни ручки. Только у командира – одного из четверых – был планшет с закачанными картами, а для остальных это уже из категории несбывальной мечты.

Вторая группа зашла уже двое суток спустя. Именно группа с репортёрским вооружением по остаточному принципу: выдавший виды фотоаппарат и миниатюрная «сонька»²⁸, ровесница начала двадцать первого века. Но даже отснятый материал смог вернуться из-за «ленты» к Тимофеевичу, чтобы быть обработанным и доведенным до читаемого уровня, лишь спустя несколько дней. Ну, а чтобы добраться до смотрящих и читающих «ANNA», надо было преодолеть еще несколько ступенек – переслать отснятое, смонтировать «картинку», наложить текст, поэтому вся надежда оставалась на Сашу Харченко²⁹.

В первый же день у входа в здание райотдела прикрепили красный флаг³⁰, заранее припасённый нами. Не российский, не триколор, а именно красный, советский, такой же, как на куполе рейхстага водружали – штурмовой флаг 150-й ордена Кутузова II степени Идрицкой стрелковой дивизии.

– Словно список с иконы. Не копия, нет, а именно список знамени Победы, – угрюмо молчавший электрик, доставленный безбашенным Маугли³¹ для ремонта уличного трансформатора, произнёс надтреснутым голосом и вытер блестящие глаза. – Ветер аж до слёз проникает.

Ясно было и без слов, что виною его слёз вовсе не ветер, а рванувшаяся из груди надежда, сдавившая горло: неужели вернулась держава великая?

– Вы бы, мужики, такой же флаг на братской могиле установили. Это похлеще всяких слов до самого сердца достаёт, – просит электрик.

А что? Это идея. Почему бы не уважить мужика, да и местным показать, что пришла не просто Россия, а наследница великой державы и теперь вместе будем возрождать её.

В первый же день к вечеру центральная улица посёлка была расцвечена флагами – красными советскими, трёхцветными российскими и кое-где редкими вкраплениями желто-синих украинских. Наутро жовто-блакитные исчезли – то ли местные сняли, то ли наши, но выяснять не стали.

8

Спозаранку, едва проглотив обжигающий чай, направились на базу, расположенную неподалёку. Из-за трёхметрового металлического забора виднелись корпуса складов, цистерны, зерновой бункер и какое-то сооружение для переработки зерна. Ещё в первый же день пытался у наших «моджахедов» разузнать про эту базу, но те лишь пожимали плечами: команды не было. Интересные ребята: под боком огромная территория за трёхметровым забором, на которой целый батальон можно спрятать, а им по фигу: начальство не велело! Хорошо

²⁸ Видеокамера «Сони».

²⁹ Александр Харченко – штатный военкор Агентства.

³⁰ Красный флаг 150-й ордена Кутузова II степени Идрицкой стрелковой дивизии 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта, водруженный над Рейхстагом 1.05.1945.

³¹ Маугли – позывной Сергея, иркутянина, пошедшего воевать в танковый батальон после расформирования подразделения.

местные начали понемногу оттаивать и доверительно нашептали, что там двое охранников дежурят, но никого за ворота не пускают. Ворота оказались заперты изнутри, и Витя уж соби-рался махнуть через забор, но тут раздалось довольно громкое:

– Не надо, сейчас открою.

Через асфальтированную площадку спешил парень в чёрных штормовке и спортивных штанах.

– Вот и правосек нарисовался. Сейчас гаубицу выкатит и как шандарахнет...

Витя, конечно, шутил, но знать соседей всё-таки необходимо. Открывший нам ворота сухо поздоровался: видно было, что наш визит приступа радости не вызвал. Был он широко-плеч, высок и мосласт, с длинными руками и накаченной шеей, спокоен и уверен. Оказалось, что в прошлом кандидат в мастера спорта по боксу. С напарником охраняют базу с зерном и мукой. Сами из Харькова, работают вахтой по две недели. Заступили как раз накануне два-дцать третьего и, видимо, надолго. Семья в городе осталась, переживает, конечно, но пока всё нормально.

Говорил он односложно, явно не располагаясь к задушевности, взгляд уверенный и отрезвляюще холодный, мгновенно гасящий любую надежду на контакт. Подошёл второй, невысокий и худощавый с небольшой аккуратной бородкой. Не сразу, но разговорился, пове-дал, что в шестнадцатом, когда СБУ «шлифовали» остатки харьковского сопротивления, загребли и его: кто-то «стукнул», что видел его весной четырнадцатого при штурме здания областной администрации. А он сам не харьковский, из Полтавы, приехал на работу устраи-ваться да забрёл сдуру на площадь, где народ митинговал. Так что фортуна сгримасничала, рожу скорчила, ножку подставила, но заодно урок преподавала: любопытство наказуемо. Полгода выбивали признания, переломали ребра, напильником стачивали зубы, загоняли заточенные спички под ногти, а потом просто вывезли за город и выбросили на свалку. Думали, что после таких «задушевных бесед» он наверняка долго не протянет, ан нет, выжил: бомжи, там оби-тавшие, подобрали и родным сообщили.

Он снял перчатки и показал изуродованные пальцы, затем открыл рот и ткнул пальцем в неровный и редкий ряд зубов.

– У этого эсбэушника кличка была Стоматолог – любил забавляться инструментами вся-кими, особенно бормашиной. Хотелось бы с ним за жизнь поговорить. Власть эта сучья народ не то что надвое – на куски покровсала. Даже семьи разделила. Сынок у меня твердит, что мы с дедом неправильные, что жизнь есть только на Западе. Уехал в Польшу, неделю пробыл, ничего не заработал, зато документы у него свои же тиснули, а поляки морду набили и выдво-рили. Казалось бы, урок, да не впрок, опять туда рвётся.

Когда уже собрались уходить, он шепнул, что в ангаре, выходящем на дорогу, двести тонн селитры хранится, завезли месяц назад. Взяла досада: твердишь же Ясону, что надо с людьми говорить, а не шарахаться от них, так нет же. Ясон – сфинкс, ни один мускул не дрогнул на его лице, когда сообщил ему о селитре. Понимал ли он, что хоть и в дюжину раз меньше, чем в Бейруте³², но если рванёт, то разнесёт всю округу? Наверное, понимал, но на меня смотрело что-то неодушевлённое с пустым взглядом.

– У меня другие задачи.

О его задачах можно было только догадываться, и не случайно через месяц отряд разва-лился после боёв под Циркунами. Часть разорвала контракты и разбрелась по домам, говоря, что так воевать они не договаривались. А как? Вы, ребята, для чего голову морочили? Для чего вам покупали и передавали беспилотники, ракеты, ПБСы³³, ночники³⁴ и всё, чего вашей

³² 4.08.2020 в порту Бейрута взорвалось 2700 тонн аммиачной селитры. Погибли 210 человек, ранено около 6 тысяч человек, остались без жилья примерно 300 тысяч жителей.

³³ ПБС – прибор бесшумной стрельбы (глушитель).

душеньке хотелось? Немалая часть с Батей ушла на Донбасс, а сам Ясон растворился в этой мутной круговерти.

О складированной и расфасованной по мешкам «бомбе» в тот же вечер сообщил тем, кто должен был принять решение, но, видимо, никто не стал заморачиваться: вывезти четыре вагона селитры не просто – только фур потребуется с дюжину, а то и больше, да ещё согласуй, складируй, оформи, передай на хранение. Уж лучше тайком вывозить семечки да зерно – доходно и безопасно.

Укры, обстреливая село, ни тогда, ни после по территории склада не стреляли. Так эта селитра и осталась им, когда мы оставили Липцы.

9

С трудом допытались, что власть в посёлке всё же есть в лице секретаря сельской громады тёти Вали. Она приходила поздним утром часам к десяти в администрацию, открывала выставшее без тепла и света здание, шла в свой крохотный кабинетик, и тут же начинал течь тонюсенький ручеек из односельчан. Шли со своими бедами, прекрасно понимая, что их пока решить никто не в силах, но зато секретарь их могла выслушать и вместе повздыхать-поохать. Часам к трём пополудни она закрывала на огромный замок входную дверь, и жизнь, едва теплившаяся в поселковой администрации, замирала до утра.

Россия была представлена элэнэровской милицией, которых тут же окрестили корнетовцами, двумя отрядами контрактников от минобороны, армейскими частями. Но никому из них, в общем-то, не было дела до жизни посёлка: живы ли люди или уже нет, а если живы, то почему и как живут-выживают. Накануне начальник госпиталя Паша³⁵ просил организовать доставку лекарства для местных. Врачи покинули больницу загодя до начала нашей операции, судьбу медикаментов выяснить не удалось, а местное население возрастное – полно диабетчиков, инфартников, инсультников, гипертоников и просто страдающих всевозможными недугами.

Начальником всей медицины посёлка и округи он стал поневоле – приехал к местным врачам, а их давно уж след простыл. Вот и пришлось доставать генератор, чтобы был свет, одеяла, освобождать помещение для гуманитарки и медикаментов, взывать к медперсоналу больницы. Впрочем, медсёстры и нянечки сами пришли в больницу, да так и не расходились до вечера.

– Тут на окраине тубдиспансер есть мест на двести пятьдесят, а в Стрелечье больных человек семьсот в психбольнице. Надо бы послать кого-нибудь, выяснить всё.

Активность нашей крохотной группы стала выходить боком: почему-то решили, что мы можем решать все вопросы жизнеобеспечения. Наверное, немалую роль сыграл в этом мой афганский бушлат, будь он неладен, да и то, что мы единственные были в гражданке и без оружия. А бушлат... Что бушлат? Мало того, что к вечеру плечи к земле придавил, так еще и статус всевеликого и всемогущего придал.

Вот у Паши на боку в кобуре пистолет, на груди рация, невозмутим, спокоен и даже не скажешь, что перед тобою врач, а не полевой командир. И тем не менее не к нему обращаются со всеми проблемами, а к нам. Налицо ошибка в объекте, и пытаюсь перевести стрелки на него, но Паша и сам не против нагрузить нас по самую маковку.

Конечно, сами виноваты, нечего сваливать с больной головы на здоровую. Нет бы заниматься съёмками, брать интервью, вести репортажи, писать заметки, а мы взяли жизнь чужую

³⁴ «Ночник» – ночной прицел.

³⁵ Павел – врач подразделения ЛНР, организовавший госпиталь в Липцах и медобслуживание местных жителей.

перекраивать да подправлять. Но ведь нельзя оставаться в стороне, когда тысячи сидят без тепла и света, без продуктов и лекарств.

Мы приехали в больницу, когда Паша со своими айболитами организовывал отправку бойца – тот упал с борта бэтэера и повредил позвоночник. Надо было его в областную больницу – там уже ждали, а тут мы привезли женщину и её дочь: их ранили в районе АЗС в Тишках. Шли по сельской улице, торопились, и до дома оставалось с десятков шагов, когда легли одна за другой три мины. Пришлось ему оставить бойца и заняться женщинами. Минут через пять Паша вышел и приказал грузить и бойца, и мать с дочкой в кузов КамАЗа. Подъехал Саша, местный активист. Активистом он стал добровольно вчера, а теперь от его активности уже не вмоготу: только успевай решать подкидываемые им ребусы. Сбивчиво и жестикулируя, он сказал, что привёз роженицу и надо что-то срочно делать, пока она не родила у него в машине.

Паша остановил этот бурный поток одним движением руки и обратился к пожилой женщине, вылезшей из салона машины. На роженицу она явно не тянула: ни по возрасту, ни по отсутствию характерного живота. Оказалась свекровью беременной невестки и робко обратилась с просьбой вывезти роженицу в Белгород. Причину робости узнали потом: сын был в ВСУ, но на Пашу это никак не подействовало: надо – значит надо. Суевившийся и орущий отрядный Айболит, перепутавший божий дар с яичницей и едва не отправивший рожать свекровь, был осажен Пашей резко и всего одним словом, но достаточно ёмким. И словно благодать спустилась на больничный двор: роженицу посадили в машину, свекровь устроилась рядышком, тесть пошёл в сопровождении на своём «жигулёнке», а Саша согласился отвезти нас в администрацию.

Вот здесь мы и познакомились с тётей Валеёй, своими очками напоминавшей мудрую сову из какого-то забытого мультика. Печать радости на лице отсутствовала, и на мою просьбу составить список нуждающихся в медикаментах односельчан буркнула, что бумага на столе, вам надо – вы и пишите. Закипела злость и едва не плескнула наружу, но сдержался, взял её за плечо, сжав пальцы так, что её скособочило от боли, усадил за стол, придвинул лист бумаги и ручку и тихо, почти на ушко, вежливо и доверительно шепнул-процедил:

– Пиши.

Она безропотно подчинилась и через пять минут передала мне исписанный с двух сторон тетрадный лист.

Собственно говоря, мы пришли вовсе не за этим – нужна была власть, нужен был человек, способный внятно сказать, что нужно для организации нормальной жизни.

По дороге от райотдела бросился в глаза огромный баннер: «Голосуйте за Кудикова Вадима Юрьевича». Кто такой Кудиков и почему надо было за него голосовать, я не знал, но под рукой никого не было. О чём думали наши власти? На что рассчитывали? Почему следом за войсками не заходила новая администрация? Не готовы были? Или не собирались новых ставить – решили, что проще со старыми договориться? Опять договорняки! Оттуда идёт всё, из девяностых, когда «стрелки» забивали, чтобы на сходняке порешать всё, договориться. Вроде бы и время другое, а сознание прежнее. Хотя почему другое? То же самое, только припудренное, загримированное, причёсанное, но весь лоск только внешний. Ну что же, новых не знаем, растить кадры некогда, да и не ко времени, так что будем работать, кого Господь послал из старых.

Кудикова привезли через полчаса. Был он молод, высок, симпатичен, но внешне мягкий. Сказал, что его отец лет тридцать командовал округой, брат служит в полиции под Харьковом, а он совсем не горит желанием надевать на шею ярмо власти в это беспокойное время. Ещё не известно, как всё повернётся, а у него жена, дети, родные...? Что с ними будет?

Убеждали его горячо и яростно, что пришли мы не на время и даже ненадолго – навсегда пришли. Что народу послужить надо – хватит только о своей шкуре помышлять. Люди разве виноваты, что им дома порушили, ни света, ни газа, ни воды? Им жить надо сейчас, а им взяли

да жизнь прежнюю черкнули почти под корешок. Убеждали так и эдак и Кудикова, скрепя сердце сдался.

Мы вышли на крыльцо, возле которого толпилось с сотню липчан. Лица угрюмы, взгляды тупят – ни тепла, ни ласки, ни крошечки радушия. А чему им радоваться, коли на дворе февраль, а значит зима. Только вот столбы порушили и света нет, трубу газовую порвало осколками, скотина ревёт да визжит некормленная и недоенная, в домах холод и стылость.

Сразу же засыпали вопросами насчёт ремонта жилищ – взрывами повыбивало стекла, лекарств, работы больницы, воды, света, газа. Кудиков что-то говорил, объяснял, обещал, а я думал о том, что зря мы ввязались в это дело, что пусть военные занимаются жизнью этих людей – у них и техника есть, и люди, да и вообще...

Я смотрел на бывшего депутата Харьковской областной рады, то есть областного Совета (а почему бывшего? Раду никто не распускал, значит, и депутаты легитимные) и думал о том, что это смутное время (или замутнённое?) рождает лидеров, вождей, людей, которым верят и за которыми идут. Но Кудиков на лидера пока явно не тянул, говорил неуверенно и всё поглядывал на нас. Пришлось вмешиваться, хотя подобная засветка в роли комиссаров-большевиков нам была явно ни к чему. Крыльцо, конечно, не броневи́к, но обзор достаточен, чтобы и ты видел, и тебя.

– Не мы свергали вашу власть. Она сама себя низложила, подавшись в Харьков и бросив вас. Не мы разрушили столбы и не наша вина в том, что нет света, воды, тепла. Вот этот человек сам вызвался помочь вам, – я указал на Кудикова, – а вы помогите ему. Только все вместе вы сможете преодолеть те напасти, что свалились на вашу голову. Только помогая и поддерживая друг друга, вы сможете выжить, а мы вам поможем...

– Как же, уже помогли... – негромко и сердито бросил неулыбчивый старик в плохонькой курточке с короткими рукавами.

Старикам можно говорить нелицеприятное: седина как-никак, а всё-таки защита. Да и что ему возразить – вряд ли он захотел бы услышать. И всё же ответил, что эту войну начали не мы – мы просто вынуждены защищаться. Это расплата за предательство, за грех Каина, за те тридцать сребреников, что посулили наши враги, и надо винить прежде всего себя.

Расходились молча, а чуть в стороне стояли луганчане – то ли из МВД, то ли из ополчения, то ли из ЧВК, то ли ещё откуда и с любопытством наблюдали. Точнее, с суровым любопытством. Зачем они здесь? Неужели так необходимо было заводить сюда, в Харьковскую область, дончан и луганчан? Да и не просто части корпусов, а МВД, у которых совсем иные функции, нежели воевать. Потом такие вопросы возникали не раз и не два не только у нас, но и у российской армии, спецслужбы и особенно у местного населения. Именно луганское МВД оставило после себя недобрую славу и нанесло немалый ущерб имиджу России.

Я не знаю судьбу Вадима Кудикова и его товарищей – тогда, в феврале, они сделали выбор. Это был отчаянный поступок в общем-то обречённых. Они понимали, что идут на заклятие, что их жизнь и жизнь близких под угрозой, что ночью может влететь в окно бутылка с зажигательной смесью, что очередная доставка гуманитарки в какое-нибудь село может оказаться дорогой в один конец. Это они принимали гуманитарные колонны, разгружали и потом развозили по селам и хуторам так необходимые людям продукты, вещи, медикаменты. Тогда, да и сейчас трудно было понять, кто свой, а кто чужой, поэтому судили не по словам, а по делам. Но добрые дела этих людей запомнятся надолго. А Кудикова и его заместителя украинская власть сразу же внесла в «Миротворец» и выпустила листовку, предлагая за их голову огромную сумму.

Говорили, что это был неискренний выбор. Что у него на складах лежали тонны семечек и зерна, и их надо было спасать, иначе просто разграбят. Может быть, может быть. А в чём, собственно, его вина? В том, что мотив сотрудничества с нами – спасение своего добра? Ничего зазорного в этом мы не видели. И вообще готовы были работать с любым, кто принял

бы протянутую руку помощи. Да и чем отличалась их мотивация от мотивации тех же контрактников, которые за деньги пришли воевать. Но деньги идеей быть не могут: деньги – это только цель или, на худой конец, средство достижения цели.

10

Хотя и были мы в «гражданке», но за местных сойти ну никак не могли даже при условии, что Липцы довольно маргинальны. Здесь всегда было много приезжих, живших сезонно, или дачников, неумовимо выделявшихся манерой держать себя. Да и наша «гражданка» разительно отличалась от одежды местных, поэтому в толпе раствориться среди местного населения не удалось. Даже не потому, что на рукавах курток и бушлатов были белые повязки: особняком державшийся Ленск всё равно был неотделим от нас. Не потому, что в руках Мишки были фотоаппарат и видеокамера. Не потому, что на мне был афганский бушлат, а в распахнутом вороте Витиной куртки виднелся десантный тельник. Мы просто были другими даже в малом, из которого складывается большое целое: взгляд, походка, речь, неперенные «здрасьте-спасибо-пожалуйста-извините». И всё равно мы пошли в народ – нам нужна была картинка, нам нужны были лица, нам нужно было напитаться атмосферой жизни занятого нами райцентра.

Увы, интересных сюжетов не нашлось. И не потому, что их не было: мы ещё не решили, что можно показывать, о чём можно говорить, что вообще надо – у нас не было редакционного задания, а в этом иногда минус фрилансерства, иначе стрингерства. И ещё немаловажная деталь: мы не имели права подставлять людей, доверившихся нам, вошедших в кадр и решивших откровенничать. Где-то подспудно мы опасались, что им могут не простить даже простой бытовой разговор с нами. Так и случилось, когда наши войска ушли с этой земли, бросив людей на произвол судьбы. Точнее, на произвол нацистских карателей.

11

К обеду подтянулась на базу вся наша группа. Впервые за эти дни почувствовал голод. Гарик чистил картошку, привезенную нами с собою, шурился как кот, когда вырывалось из-за облаков солнце, и даром, что не мурлыкал.

Витя соорудил таганок из диска колеса, приспособив его на шлакоблоках, и горелки, соединив её к газовому баллону. В одолженную у кого-то из благодарных местных огромную эмалированную кастрюлю он налил воды, водрузил её на таганок и взялся за сервировку стола, которым служил фанерный щит.

Кама витийствовал, вещая о своих былых подвигах и славе, заодно поругивая Гарика за слишком толстые очистки. Не выдержав расточительства, он сам взялся за нож и из-под лезвия колечком закрутилась тоненькая стружка кожи. Он мастерски делал всё: стрелял, боксировал, работал в спарринге, разрабатывал операцию, снимал, беседовал.

Мы с Мишкой курили, просматривая отснятое и изображая самое интеллектуальное ядро нашей проголодавшейся группы.

Чёртом из табакерки вырос в дверном проёме 37-й и зачастил скороговоркой, что нам с Камой надо срочно ехать с ним, потому что их ребята задержали сирийца, по всем статьям наёмника, и его надо срочно допросить. Мы попытались объяснить, что пребывание в Сирии отнюдь не означает владение арабским, но он уже тащил нас к машине.

Сириец, щуплый, но мускулистый, сидел на стуле посредине комнаты, раздетый до плавок, с заклеенными скотчем глазами, и дрожь пробегала по его телу. Нет, он дрожал не от страха – от холода. Над ним нависал огромный, раза в два больше сирийца, боец и очень доходчиво советовал рассказать правду, аргументируя советы звонкими шлепками по затылку.

Наверное, пленник понимал, что должен признать своё участие в наёмничестве, но пока не собирался этого делать.

Пришлось его остановить, сказав, что для начала надо разобраться с его документами и попытаться разговорить без силовых методов допроса.

Пока Кама засыпал его арабскими словами вроде «здрасьте-пожалста», я перебирал изъятые документы и содержимое его бумажника. Сирийский паспорт с пограничным штемпелем и датой прилёта – сентябрь две тысячи двадцатого. Место рождения – Сармин, провинция Идлиб. Да, здесь даже мухабарат³⁶ вряд ли поможет – Сармин под игиловцами. Вылет из аэропорта Абу-Даби, прилёт в Борисполь. Паспорт без обложки (если не слямзили наши борцы с бандеровцами), по виду новее нового. Да, бережливый паренёк. Студенческий билет и пропуск в общежитие, датированные позапрошлым годом, были новенькими и, казалось, что даже источают запах типографской краски, хотя никакое полиграфическое изделие уж давно не имеет запаха. Даже если только он доставал свой студенческий лишь пару раз в день, входя в здание института и выходя из него, то при всей бережливости обложка заметно бы потеряла свой первозданный вид. Значит?.. Да ничего, впрочем, это не значит: может, у них вовсе нет пропускного режима, или иностранцу достаточно отсветить своей физиономией, чтобы вахтёр ломанул шапку. Ни хрена мы не подготовлены к допросу, сириец может лопотать что угодно – всё равно не проверить. Ну, 37-й, ну, гад. Ребята уже за стол сели, картошечку с тушёнкой наворачивают, а тут возись с этим чёртовым сирийцем!

В бумажнике несколько его фотографий, два фото женщины лет сорока, сотни три гривен, сто долларов, мелочь. Негусто. Где задержали? Да здесь, неподалёку, шёл по дороге в сторону нашей границы. С какого рожна решили, что наёмник? Так ведь сириец. М-да-а, аргумент железный. Ну что ж, надо включаться.

Напряг память, извлёк из самых тёмных закоулков памяти несколько арабских слов, разбавил английским и придал шарм французским: всё-таки Сирия – бывшая подмандатная территория Франции, там полстраны на французском лепечет. Получился неплохой микс, но сириец по-английски знал ещё меньше меня, а мой французский ограничивался неподобающими для этого случая тремя десятками слов. Но всё равно он твёрдо стоял на своём: студент медицинского института, шёл к жене в Борисовку.

Стоп, ну-ка, дружище, расскажи мне о Борисовке. Есть там река? Нет. Многоэтажки? Да пара домов двухэтажных, и в одном из них живёт тёща. Как зовут тещу? Не помню. Жена? Люба, её фото в бумажнике. Населения сколько? Да всего ничего, маленькое село, в две улицы.

Ну вот ты и приплыл, дружок. Борисовка – райцентр, многоэтажек – целый микрорайон, река Ворскла, людей – тысяч десять. С торжествующей улыбкой я выдал эти знания присутствующим, и все взглянули на меня уважительно – знаток!

Мне было немного жаль пленника, и посоветовал отвезти его в Белгород – жесткий допрос не всегда результативен, а там люди интеллигентные, пригласят переводчика, напоят кофейком, задушевно поговорят, а не то, что вы, костоломы.

Мы еще курили с Камой у машины, когда вывели сирийца всё с тем же скотчем на глазах, засунули в «уазик» и увезли. Сбившиеся в стайку рабочие местного энергопредприятия сочувственными взглядами проводили сирийца до самого «уазика» – маленького, с опущенной головой, в тоненькой болоньевой куртке красного цвета, жалкого в своей беспомощности.

Мои глубокие знания географии стоили сирийцу с полдюжины оплеух. Разве я знал, что в двух десятках километров от Липцев к самой границе притулилось маленькое село в пять сотен жителей. И среди них жена и тёща нашего «шпиона». Я нарушил старую заповедь: проверь тысячу раз, прежде чем сделать вывод, и мысленно клял себя за это. Поддался общему психозу – шпион, наёмник, вражина – вместо того, чтобы тихо и спокойно во всём разобраться.

³⁶ Служба безопасности Сирийской арабской республики.

Чёртов сириец, дернуло же его в такое время шастать по дорогам. Я злился на него, на себя, на этих верзил с пудовыми кулаками. Нет, братцы, карту изучать надо, чтобы не возникало подлых ляпов.

История с несостоявшимся наёмником имела счастливый конец. Поздно вечером он материализовался на нашей базе: действительно студент, подженившийся на местной – уж очень славные оладушки со сметаной готовит тёща. Наши добродушно и извиняюще похлопывали его по плечу, совали банку тушенки и кусок хлеба, поили горячим чаем и говорили: ну что же ты сразу не сказал, что наш.

Мы с Камой вернулись, когда ребята уже отобедали. Заботливо укутанная кастрюля ещё хранила тепло. Картошка с тушёнкой была вкусна на славу – даром что ложки едва не обгрызли.

12

Когда Паша сказал, что в психбольнице в Стрелечье патовая ситуация – больных кормить нечем, лекарств нет, врачи сбежали в Харьков, остались только нянечки и вот-вот начнутся летальные исходы от холода и голода, то рванул в Белгород. Кудиков выделил машину – довольно потрёпанный «бусик». Точнее, водитель Саша сам вызвался съездить в город за продуктами и лекарствами на своём шарабане, составив длинный список всего необходимого. У него оставалось немного солярки в баке машины – как раз добраться до нашей АЗС. Он с первого дня бесплатно (добрейшей души человек!) мотался по округе, развозя те пока скудные продукты, что выделили мы из своих запасов.

В Журавлёвке в местной администрации комнаты и коридоры были завалены продуктами, резиновыми и кирзовыми сапогами, медикаментами, полторашками с водой, коробками с медикаментами. Задёрганная глава пыталась оставаться корректной, когда рассказывала о бедах людских на освобождённой нами территории и особенно в больницах. Она смотрела на меня с каким-то недоверием и даже досадой, и лишь потом я догадался, что мой внешний вид – полуторанедельная небритость, грязные бушлат и сапоги, а особенно жуткий запах, исходивший от меня, никак не способствовали установлению понимания. Ну, ввалился какой-то смахивающий на бича тип и давай вывалить на её голову проблемы чужих жителей. Только этого ей не хватало!

Стараясь дышать через раз и полуотвернувшись, она заявила категорично: глава района запретил давать что-либо гражданским – только военным. И попросила покинуть кабинет, поскольку предмет разговора исчерпан. Сначала не совсем понял, кто гражданский: я или те, кому просил помочь. Потом дошло и захлестнуло: что делят-то? Военные ничего не просят, так будут проявлять показную заботу, а этим кто поможет? Они-то в чём виноваты? Это их пришли освобождать или как? Сбиваясь от волнения, стал говорить всё это главе, но она уже не слушала, выйдя из кабинета.

Со мною не захотели даже разговаривать. Меня не захотели даже выслушать. Да ладно, стерпим, но ведь там, за «лентой», ждут помощи.

Из Майского позвонил в «Боевое братство». Володя Коротких³⁷ сразу же вник, с кем-то переговорил, перезвонил и сказал, чтобы ехал в районную администрацию – там помогут.

В районной администрации замглавы проникся и распорядился собрать необходимое, но тут позвонили от секретаря совбеза: надо зайти к нему. Зашел. В кресле развалилось тело и начало с того, что никому ничего выдаваться не будет, что это стратегические запасы для армии (кирзачи и галоши, сваленные в кучу в Журавлёвке?!), что ему и так хватает забот от появляющихся в посадках у границы трупов, что вообще неизвестно, чем мы там под Харьковом занимаемся.

³⁷ Коротких Владимир Александрович – руководитель региональной организации «Боевое братство».

Какова может быть реакция человека, неделю не вылезавшего с передовой, не мывшегося, несколько раз накрываемого минами и «градами», не евшего досыта, вымерзшего как мамонт? В самом мягком варианте просто заехать в эту физиономию. В худшем – пристрелить в вестибюле, всё равно это враг. Враг по сознанию, по бессердечности, по душевному равнодушию, по прущему чванству. Таких надо грузить в багажник и вывозить туда, за «ленту», но багажников не хватит на всех.

Наверное, он прочитал свою судьбу на моём лице, побледнел и выпрямился. Я молча повернулся и ушёл. Зам шёл рядом, ему было неловко, и он говорил в оправдание, что секретарь совбеза в общем-то неплохой мужик, обещал всё решить и помочь, а я ощущал себя прикоснувшимся к чему-то гадкому.

Не с того, видно, началась специальная военная операция: надо было сначала вычищать эти авгиевы конюшни.

13

Уже в сумерках Балу сообщил, что отряд перемещается в Тишки, а мы остаёмся здесь. Одни, без прикрытия и оружия. Я даже восхитился мудростью Ясона: не бросает, нет, а оставляет в тылу. То, что этот «тыл» на окраине посёлка и дальше поле, а в полусотне метров двести тонн селитры, ничего не меняет. Знать, изрядно мы ему досадили своей неумностью: давай прочедем лесную тропу между Липцами и Большими Проходами, откуда нет-нет да вылетали восьмидесятки³⁸. Давай установим растяжки, если слабо засаду устроить. Давай разведаем штольни в меловой горе как раз под очень интересным лесом, идущим от самого Харькова. Давай узнаем, кто у нас по флангам, и установим с ними связь. Ну и ещё два десятка «давай», отчего при нашем виде Ясон кривился, как от зубной боли. Ну что ж, любовь без радости была, разлука будет без печали.

Кама, наивное и чистое душой дитя, вплотную придвинулся к Балу:

– Передай Ясону, что если что-нибудь случится с группой, то с ним будет разговаривать сорокапятка³⁹.

Наверное, Балу не очень-то и трогала судьба Ясона, но самому попадать под горячую руку парней из сорок пятой он очень не хотел, потому оставил с нами взвод Бати. Но в любом случае вешки были обозначены, флажки выставлены, и нам желательно завтра свалить из этой ватаги.

Витя подсуетился и через полчаса обзавелся автоматом с одним магазином. Где взял и откуда, он скромно умолчал, но лишний раз доказал, что для старшины десантной разведроты невыполнимых задач не существует. Главное поставить задачу, а каким образом она будет выполнена – никого не должно волновать. Ну что ж, если работать одиночными, то минут десять продержимся. В поселке еще есть части, авось кто-то и придёт на помощь, хотя вряд ли: ночью только сумасшедший нос высунет из форточки.

На всякий случай определились с дежурством по очереди. Нацепили на пояс ножи. Фонарики под рукой, рядышком аптечки. Ну вот и всё, к выполнению задачи готовы. А задача проста – дожить до рассвета.

Спаситель явился в лице 37-го⁴⁰. Я не скрывал радости: он был умён, смекалист, надёжен, осторожен, внимателен. Он был разведчик по военно-учётной специальности в прошлом и оставался им по жизни. Более того, он прирожденный следопыт с потрясающим нюхом на опасность. Он не терпит расхлябанность и наш природный русский авось и вместе с Артистом заменит целый взвод, а то и роту.

³⁸ Мины калибра 80 мм.

³⁹ Сорокапятка – 45-я бригада спецназа ВДВ.

⁴⁰ Оперативный позывной.

Я надеялся встретить его, потому что был уверен: он не остался в стороне в четырнадцатом, а теперь тем более. Радостные вопли, обнимашки, рукопожатия – с нами 37-й, а значит, будем жить!

Как он узнал, где мы и что фактически брошены Ясоном на произвол судьбы, расспрашивать не стал: всё равно не скажет. Он был краток и резок: в нашем распоряжении «уазик» и на всё про всё полчаса. Меняем дислокацию, переезжаем на другой конец посёлка на базу его отряда. С командиром всё согласовано.

Управились минут за двадцать: метали в машину всё, что попадётся под руку. Ещё четверть часа – и мы размещаемся в отведённой нам комнате. Дверь плотно не закрывается, внизу щель и поддувает, ни света, ни тепла, зато мы вместе. Нас семеро – прямо-таки великолепная семёрка и вратарь!

Бросаем на пол карематы – тонкие коврики из пенопропилена, сверху спальники, под голову вещмешки и рюкзаки. Божественно! Теперь хоть можно распрямить ноги и потянуться. Будем спать. Надо хорошенько выспаться.

Сон не подкрадывался – навалился сразу же, и мощный храп разорвал ночь.

14

После приезда Саши Харченко наша военкоровская миссия имела право на возвращение домой. К тому же накопилось достаточно видео- и фотоматериалов, которые оставалось обработать и «закинуть» на сайт «ANNA News» и на наши писательские Телеграм-каналы. Были ещё и чисто бытовые причины. Во-первых, мы успели промёрзнуть за эти полторы недели до состояния мамонтов в вечной мерзлоте. Во-вторых, закончились взятые из дома микстуры – ехали-то на день-два, как было обещано, и всё шутили, что в случае нужды приобретем в аптеках Харькова. В-третьих, запах. Нет, не запах гари, сгоревшего тротила и крови – к этому можно привыкнуть. Даже к запаху разлагающихся тел, преследующему в развалинах освобождённых городов, тоже можно было притерпеться. А вот запах своего немытого тела, смешанный с запахом непросушенной одежды и вечно мокрых берцев, преследовал днём и ночью и становился нестерпимым.

Вот что значит гражданская жизнь в комфорте – расслабляет, чёрт возьми, разнеживает, в слюнтя превращает. Раньше бы махнул рукой на такую мелочь: не нравится – не нюхай, а теперь вот баньку подавай. Конечно, по большому счёту это был повод – фронт замер под Циркунами и дальше ни вперёд, ни назад, вроде бы всю возможную информацию собрали, а принимать участия в трепотне о былых героических подвигах не хотелось. Что там сказки рассказывать – вы, братцы, давайте-ка потряхните стариной и добавьте в свой персональный пантеон славы новые лавровые венки.

Числа четвёртого или пятого, а может и шестого, с утра с оказией выбрались за «ленту». Встретил сын, по нашим лицам понял, что донимать расспросами не стоит. Отвезли Мишу домой, распрощались с Витей, договорились, что друг без друга ни ногой за «ленточку». Только через сутки пришлось обещание нарушить – попросили сопроводить конвой МЧС с гуманитаркой. Почему-то мои армейские приятели решили, что я знаток Харьковской области, и все потуги доказать, что мои знания получены в результате полуторанедельного добросовестного штудирования карты и я гожусь разве что на роль Сусанина, их не убеждали. Последний довод, что для провода колонны вообще никакой знаток не требуется – это же элементарно, Ватсон: определяется пункт доставки и дальше рули по асфальту – не подействовал. Но они в своём упорстве были просто восхитительны, и я «сломался». Согласиться-то согласился, только отогреться не успел: здорово промёрз, до лета не согреться, к тому же что-то вроде бронхита заработал.

Колонна прибыла, едва я подъехал к привычной точке сбора: АЗС у перекрестка на Октябрьский. Похрустывал снежок на утреннем морозце, озоровал ветерок: проказник всё пытался забраться за ворот куртки, а заодно погасить сигарету. Мои армейцы были уже на месте. Едва поздоровались, как подъехали «уазик» и микроавтобус. Из УАЗа бодро выскочило двое: один из Администрации Тулы, крепкий, широкий в плечах, с добрым тёплым взглядом, другой оказался начальником моих приятелей. Назвали себя исключительно по именам, пожимая руку: американская манера, уже введшаяся в сознание и ставшая почему-то хорошим тоном. Из вредности отрекомендовался по имени-отчеству и добавил, что для краткости величают Санычем. Принято единогласно.

Из микроавтобуса выскреблись то ли трое, то ли четверо в синих жилетках с надписью «PRESS». Едва выбравшись, поправили бронежилеты «ЖУК» и напялили шлемы 6Б27. Броник ничего, от третьего до пятого класса защиты, такой иметь не грех, да и от обычных армейских заметно отличается весом, а вот шлем так себе, первый класс защиты, разве что от пистолета поможет, да и то рикошетом. Ну если нравится – носите, мне что, жалко? Сам после Сирии ни броника, ни шлемов не носил – думать мешают и расслабляют мнимой всенадежностью.

Подошла колонна МЧС – с дюжину фур, белые, с оранжевой полосой. Старший торопил, но держал дистанцию, определенную субординацией. Я предложил оставить пару-тройку машин в больнице в Стрелечье. Согласились. Команда: «По машинам!», и колонна тронулась. Я удостоен чести ехать со своими армейцами, корреспондентов поместили в капсулу «Тайфуна». Армейский начальник и тульский гость разместились в другом «уазике». В сопровождении пошли два бэтэра, пара или тройка «тигров» и еще один «Тайфун».

Тогда еще можно было не опасаться беспилотников и засад ДРГ, поэтому такой эскорт был излишен. Ну если только для помпезности и телевизионной картинки. Как в воду глядел: в Липцах весёлой стайкой воробышек высыпали наши корреспонденты на улицу, бодро засновали, выбирая ракурс съемки, защебетали. Оказалось, работали две конкурирующие фирмы: то ли первый, то ли второй канал и «Звезда».

Отсечённые три фуры остались в больнице в Стрелечье, остальные растянулись вдоль улицы. Одну сразу же поставили на площади и стали дожидаться, пока выстроится очередь за гуманитаркой. Подошёл Вадим Кудиков, по нашей просьбе потянувший лямку главы. Теперь он был уверенней и энергичней – что значит ответственность. Раздавать с «колёс» привезенные продукты и вещи я счёл неразумным: получают те, кто живёт на соседних улицах, да ещё те, кто побойчее, а немощным старикам, замерзающим в своих домах, а тем более живущим в окрестных сёлах достанется фигушка без масла. Тяга к социальной справедливости подвигла меня на бунт, и туляк вместе с воинским начальником удивительно легко согласился.

Разгадка этой лёгкости не заставила себя ждать: оказывается, нужна была телевизионная картинка. Просто кадры раздачи пакетов и коробок под телекамеры с интервьюированием доставщиков и благодарностями от спасённых туземцев. Конкуренты определили выгодные точки съемки, расставили камеры и началось действие, которому позавидовали бы Станиславский с Таировым. В этом бросании с борта пакетов в тянущиеся руки было что-то унижительное, о чём я бубнил потом всю обратную дорогу. А ещё о тлетворно разлагающем человеческую натуру телевидении.

Стоп. Не прав. Попробуй неделю-другую посидеть на диете из воды и соленьях, так что борт КамАЗа с его коробами да пакетами – как манна небесная. Ну а когда вытащили коробка с тюльпанами – вот молодцы какие! – и стали по цветочку в руки вручать женскому полу, невзирая на возраст, растроганность и искренность слёз тронули. Не забыли! Низкий поклон вам, люди русские.

Саха рыскал острым взглядом по снующим туда-сюда жителям: они враги, от них всего можно ожидать. Подошёл средних лет мужчина, мялся, по всему видно, что слова подыскивает, да сказать стесняется.

– Что маешься, любезный?

– Мне бы, того, цветочек тоже.

Трансвестит? А может, пидор?

Саха не искушён в дипломатии, а потому мужик обиженно засопел:

– Почему пидор? Бабе своей хочу подарить. Занедужила она, прийти не смогла. Вот я и пришёл. Да только в очереди толкаться не стал: подожду, может, и достанется, а нет – так кому-то, видно, нужнее. Это значит так Господь распорядился. А вы сразу пидор да...

Я показал Сахе кулак, но он соорудил такую раскаявшуюся физиономию, что я не смог сдерживать улыбку. Не случайно у него есть второй позывной – Артист. Одарил же Бог талантами!

– Не толерантный ты, Саха, человек. Можно сказать, дремучий. Надели-ка лучше его тюльпаном, да самый лучший выбери. И гуманитарку организуй – нечего ему в очереди маяться, жена болеет, дома ждёт.

Через пять минут мужчина семенил с пакетом и цветком, спрятав его на груди за полую куртку, расплёскивая редкие лужицы, оглядывался и кивал – кланялся, значит, потому что руки были заняты. И на лице его расплывалась улыбка счастья.

Подошёл к Кудикову, попросил его определить место для выгрузки привезенного и найти людей для разгрузки. Через несколько минут он уже докладывал, что разгружать будем в школьный спортзал, люди уже ждут, а завтра начнут развозить малыми партиями по сёлам. Он был разумен, исполнитель, даже инициативен, и люди его слушались, а это уже много. Пообещал всё взять на учёт и раздавать только по спискам.

Телевизионщики закончили съемки «массовки» и теперь старательно изображали интерес к дающим интервью туляку и воинскому начальнику. Изображали мастерски – и мимикой, и позой. Вот где таланты пропадают! Сунулись было ко мне, но, получив отказ, поскущели и, сбившись в кучку, сетовали на малые зарплаты. Рядом с ними крутили головами несколько тел в балаклавах и автоматами на изготовку. Охрана. От кого? По мне так эта театрализация унижает профессию.

Подошедший Саха с высоты своего роста оглядел эту бронированную публику и поинтересовался, сколько же платят? Бесперемонность должна была шокировать, но они увидели в нём союзника и наперебой стали делиться своим наболевшим: опасность дышит в лицо, затылок и вообще во все части тела, а проходят они по расценкам мирного времени. Это у военков заработки дай боже. Не у всех, конечно, но фамилий называть не будем.

Саха понимающе кивал, нависая над ними: ежемесячно вместе с «боевыми» набегало на порядок меньше, но им сочувствовал.

– А на памперсы не выдают?

Они отвернулись, сразу потеряв к нему интерес и обиженно засопели: эка их развёл этот небритый верзила.

Старший конвоя нервничал, то и дело иноходью бежал к спортзалу, торопил мужиков, возвращался, поглядывал на часы: надо вернуться засветло, а тут такая канитель.

Часам к трём пополудни разгрузка закончилась. Быстро выстроились в колонну и потянулись к выходу из посёлка. Перед Стрелечьей встретили три оставленные для больницы фуры. Молоденький старлей с пухлыми щеками выскочил из кабины с автоматом в руках и бросился к нам. Оказывается, они разгрузились давно, поехали было в нашу сторону, но подумали, что на пути могут быть засады и ДРГ работать, вот и развернулись обратно в Липцы.

Я с любопытством и сожалением смотрел на это юное дарование: испугался парень, хотя до границы рукой подать – максимум километров пять, а то и меньше. И никаких тут диверсионных групп нет и в помине – придумки тех, кто со страха или по глупости придумал эти страшилки. Господи, наберут же детский сад. А если действительно ДРГ? Перещелкают, как куропаток, да ещё растрепят, что спецназ пленили или уничтожили.

Это был первый гуманитарный конвой, проведенный мною на ту сторону. Хотя что значит проведенный? Просто катался в компании нормальных мужиков, забавляя их своими рассказами из бывалой жизни да анекдотами, вставляя необходимые сведения, которые должны были их заинтересовать. Получалось, но не всегда, особенно если касалось поездок в «серую зону», хотя на поверку какие-то сёла оказывались занятыми отрядами ополченцев ЛНР или ДНР, оторванных от снабжения и связи. Но даже те, незанятые ни нами, ни вээсушниками, не значит ничейные – в них находились люди, наши люди, просто они еще не до конца осознали, что снова наши.

15

Саша Харченко впрягся в работу со знанием дела, особо не церемонясь в постановке задач: надо – и всё. И хоть тресни, но вези его к разведчикам или танкистам, в Циркуны или Русскую Лозовую. В общем, куда и чего его душенька пожелает. А душа его требовала постоянной новизны. Однажды он исчез на несколько суток – зашёл вместе со спецназовцами на нейтралку, днём закапывались в снег, по ночам работали – брали «языков», минировали, разведывали. Жалел об одном – нельзя было снимать, да и камера в первые же сутки отказалась работать: не выдержала восемнадцатиградусный мороз. Когда эвакуировали из Циркунов местных, то накрыли мины. Тут впору успеть бы добежать до храма и нырнуть под своды подвала, а Саша стоит и снимает, уверенный, что конкретно его осколки наверняка минуют. И миновали!

Накал боев на харьковском направлении угас и едва теплился. Война утратила свою остроту, став обыденностью и рутинной. Саша заскучал, умудрился простудиться (четверо суток в снегу – и хоть бы хны, а тут, когда весна задышала в полную силу, банальная простуда с небанальным воспалением среднего уха) и, забрав свой тактический рюкзак и фотоаппарат, попросил доставить его в Белгород на поправку подорванного здоровья.

Пару дней помотался с ним по больницам, поликлиникам и аптекам, загрузил микстурами, убедил, что надо строго следовать предписаниям, когда и в каком количестве поглощать несусветную таблетированную горечь. Сашухватило дня на три: так и не долечившись, он умчался под Изюм, и мы на целый месяц потеряли его из виду, изредка встречаясь в интернете.

Мы встретились с ним пятого мая в Москве в день памяти нашего Марата Мусина, основателя «ANNA News», а фактически открывшего нам дорогу в иную жизнь, в иной мир, полный опасностей и приключений. У него родился первенец – дочечка, и уже он не помышлял о продолжении работы: надо было осваивать новую профессию отца. Пройдёт совсем немного времени, и он явится в информационном поле уже вместе с Серёжей Шиловым корреспондентами «РИА Новости», а ещё «Свидетелями Байрактара». И вообще они стали лучшими военкорами этой войны – не пропагандистами, а независимыми, честными, совестливыми, отчаянно дерзкими, отважными, безрассудными. Достойными учениками Марата Мазитовича Мусина. Он по-прежнему был здесь, с нами, незримо, в наших делах и поступках.

Наше направление опять оголялось, работать за идею желающих не находилось, так что опять пришлось нам с Мишей Вайнгольцем периодически «нырять» за «ленту», чтобы хоть как-то восполнить пробел.

16

Ни света, ни воды, ни тепла в сёлах по-прежнему нет и в ближайшее время, судя по всему, не предвидится. Электрогенераторами и соляровкой поделились – своё отдали, теперь колоннами МЧС доставляют продукты, медикаменты, тёплые вещи в Липцы, откуда их развозят по окрестным сёлам. Местные жители сдержанно принимают гуманитарку, но всегда находим тех,

кто не боится на камеру выразить слова благодарности и даже увлажнить слезой глаза. А Ленск не верит в искренность, и упрямо твердит, что эти хуторяне за пайку и не так расчувствуются.

Одиннадцатого марта, воспользовавшись остановкой военных действий в связи с созданием гуманитарных коридоров для вывода местных жителей, украинская армия и нацбаты попытались взять Циркуны. Собственной персоной особо не озабочиваешься – надо максимально снять бой, так что носишься наскипидаренным котом, не выключая камеру. К вечеру укры выдохлись, но тишина не опустилась на село: на него обрушились мины и ракеты «градов».

Отснять-то отсняли, да связи всё равно нет, как нет возможности обработать и смонтировать отснятый материал. И тем не менее это повод улизнуть на базу. Страшно оставаться? Конечно, страшно. Страх пришёл в перерыве между окончанием стрелкотни и началом разрывов насыпавшихся мин и «градов». В эти десять минут, всего десять минут, оказалось достаточно, чтобы поскукнеть и захотеть домой.

Могли остаться здесь до утра? Конечно, могли. Могли и не до утра, а навсегда и в лучшем случае прикопали бы в посадке или на чьём-либо огороде. Всё-таки мы не армия и не иррегулярное подразделение – мы свидетели, мы люди гражданские, и нас надо беречь по отдельной графе. Как в фильме «72 метра», когда персонаж устами Сергея Маковецкого произносит: «У вас на плечах погоны, а у меня их нет. Военный человек обязан защищать гражданина своей страны независимо от того, нравится ему этот человек или нет».

Бате поручено было оберегать нас как дорожную хрустальную вазу, и он готов был пинками вытолкать эту порядком надоевшую ему вольно шатающуюся компашку. Поэтому он жестко и непререкаемо изрёк: на базу. Мы даже обрадовались: не наша инициатива и лицо сохранено. Изображая неохоту, мы быстренько загрузились и уже минут через сорок были на базе.

Отснятое за день на следующий день отвезли в Белгород.

17

После восьмого марта пришлось барражировать в прифронтовой зоне, сопровождая большие и малые колонны с гуманитаркой. Часть нашей группы перешла в подчинение (на каких условиях – не знаю и не спрашивал) одного из отрядов, Витя Носов вернулся к себе в Курск, поэтому работали с Мишей Вайнгольцем вдвоём. Он добросовестно щелкал фотоаппаратом и водил видеокамерой, я беседовал, пытаюсь задавать какие-нибудь умные вопросы, попутно выстраивая привычную схему: поиск главы местной администрации или назначение старшего, разгрузка в одно место, составление списка получающих продукты и всё остальное с непременным обещанием вернуться и проверить торжество справедливости.

Сразу после праздников приехал Алексей Шорохов⁴¹ с суперценными подарками: ночник, ПБС, беспилотник, рации. Мотивировать его на переход за «ленту» не требовалось – он все восемь лет на Донбассе с гуманитаркой. Поцелованный войной, прикипел он душой к этим людям, с великой христианской терпимостью переносящих свалившиеся беды. Теперь вот вызвонил, попросил взять с собою – ну не отказывать же: это венчание с войною дорогого стоит. Это испытание не только себя, своего характера, своих возможностей, но и выбор друзей на всю оставшуюся жизнь.

Мои приятели офицеры одного из управлений минобороны попросили развезти гуманитарку. Желанием не горел, но отказываться не стал: надо – значит надо.

Выехали ещё в предрассветной темноте – надо было забрать Мишу Вайнгольца – без него теперь практически ни один заход за «ленту» не проходит. Морозище приличный, совсем не

⁴¹ Шорохов Алексей Алексеевич – секретарь СП России, поэт, прозаик, публицист.

мартовский, за пятнадцать градусов перевалил, поэтому утеплялись солидно, но помогло не очень: стоит вылезти из машины на свет божий, как ветер тут же с упоением хлестал по щекам, а холод норовил пошарить за пазухой. Но мы-то из тепла в тепло, а каково бойцам нашим? А местным, оставшимся без света и тепла?

Место встречи привычное: АЗС у блокпоста. Подъехали приятели-армейцы, поздоровались, попрыгали, постукивая каблук о каблук и согреваясь в ожидании колонны МЧС – прямо-таки ритуальный танец. Сегодня обычная работа: сопровождение фур с гуманитаркой. Занятие не обременительное, но занудное: поработать с людьми удаётся урывками, да и то привязан к машинам.

Пришла колонна: слава богу, небольшая, меньше дюжины. Не радовало другое: с ними были два «тайфуна» и «тигр». Раз на такую крохотульку столько «брони», значит, будут ВИПы. Так и есть: из подъехавшего микроавтобуса высыпали всё те же репортеры центральных каналов. Вытащили броники и шлемы, облачились в них с видом готовых ринуться в бой гладиаторов. Хотя зря я так скептически: нормальные ребята, раз отважились поехать, значит, для них это настоящая война. Наших белгородских телевизионщиков и газетчиков за «ленту», увы, ни ногой, а этим великая честь выпала. Хотя не люблю халтуру и неискренность, а эти опять постановкой заниматься будут. Когда гонят «джинсу», то что-то мелкое и подленькое в этом есть, что-то от напёрсточников или от банальных мошенников. Такое ощущение, будто воруют что-то. Что? А вот хотя бы веру мою в их искренность. Впрочем, что им моя вера – у них работа такая. Я не прав – у меня гарантированный кусок хлеба, а им его ещё зарабатывать надо.

Мишка смерил их прищуренным взглядом и с видом уличного сорванца вымолвил:

– А что если взрывпакет метрах в пяти взорвать, успеют до сортира добежать, или здесь обделаются?

– Миша, это мы от зависти: нам такой чести не оказывают, вот мы и ворчим.

Мишка – душа нараспашку, минуту спустя что-то весело рассказывал им, травил анекдоты, и они смеялись, а со стороны казалось, что это одна компашка. Всё и отличие, что у него не было ни броника, ни шлема, ни жилетки с чарующей надписью «PRESS», притягательной для снайперской пули. Хотя он сам категорически отказался от этой сбруи – на любителя таскать тяжести, лентяй.

Команда по машинам. Мишку сажаю в «тайфун» в бронекапсулу – пусть и дальше резвится с корреспондентами. Всё-таки родственная душа, работал в пресс-центре, так что найдёт общий язык. Сами с Алексеем выбираем заднее сиденье «узика».

За окном машины мелькала кое-где оставшаяся битая техника, но уже подчистили здорово, освободив обочины. По заснеженным полям мела позёмка, не радуя перемотами на дороге. Посадки и перелески, казалось, скукожились от холода. На блокпостах пританцовывали бойцы – да, курточка слабовата оказалась для таких морозов. Ощущение холода проникло даже в машину, хотя здесь было относительно тепло.

В Липцы добрались быстро. Полчаса на организацию разгрузки – благо уже довольно чётко работали люди Вадима Кудикова. Он сообщил, что в Весёлой всё-таки наши и надо бы туда завезти пару фур. Кто в соседних сёлах – пока неясно, но могут «загуливать» и ДРГ, и взэсушники – дезертиры, окруженцы или войсковая разведка.

Долго убеждать своих армейских приятелей не обделить вниманием Весёлую не пришлось – им самим надо было там с кем-то встретиться, а тут сразу такое прикрытие: и огневое, и легендированное. А меня двигало банальное желание помочь людям, которые вот уже полмесяца просто выживают. К тому же было что-то притягательным в самом названии села, диссонирующем с довольно мрачной окружающей объективной действительностью.

Армейцы еще до пересечения «ленты» ритуально облачились в броники и нацепили балаклавы, вытащили из огромной сумки автоматы и теперь пожирали глазами поля и посадки, мелькавшие за окном. Это хорошо, самому не надо отвлекаться.

Пожалуй, на всём пути в дюжину километров было только одно место, пригодное для засады: дорога ныряла в балочку, рассекая надвое небольшое урочище. Но обнажённый лес просвечивал насквозь, к тому же выпавший снег был девственно чист без следов захода в лес. Ещё в Липцах убеждал армейцев, что никто засаду устраивать не будет, хотя бы потому, что наш приезд из разряда «вас не ждали, а вы припёрлись», а ведь её надо готовить загодя. Устраивать засады – целая наука и искусство: надо заранее всё просчитать, выйти с запасом времени, устроить «лёжку», замаскироваться, наметить репера, предусмотреть пути отхода. А с бухты-барахты – это «Зарница», так никто не воюет, если уважает себя и противника. И потом дорога неезженная, даже не расчищенная, местами с перемётами, а поля так и вовсе снегом занесены, и переться десяток километров, утопая по пояс – дураков нэмае. А еще столько же, а то и поболее, обратно, так что все разговоры о ДРГ из разряда детских страшилок.

Ребята соглашались, но молчали, не отрывая взгляда от перелесков.

Невесёлое село по имени Весёлое в дюжине километров от Липцев. Центр старостата, а вокруг хутора да посёлочки. Полное безвластие, а заодно безводие, бессветие, бестеплие и далее по списку всяческое «без». У въезда несколько ополченцев, не обратив на нас никакого внимания, копают аппарат для БТРа, который сиротливо мёрзнет рядышком. Ну кому втемяшилась мысль оборудовать позицию на обратном спуске к селу? Сектор обстрела – в ноль, места для манёвра – нет вовсе. Или копают, чтобы согреться?

В центре села подбитый укроповский танк с оторванной башней, поодаль наш повреждённый «Урал». Видны следы боя, воронки, повреждённые постройки и жильё. Народ сидит по домам и наблюдает: то шапка или платок мелькнут над забором, то колыхнётся занавеска.

В селе разделились: КамАЗ с гуманитаркой оставляем на перекрёстке под прикрытием бронированного двухосного «Тайфуна» и дюжины ополченцев из ДНР, а остальные возвращаются к ангарам, где базируются дээнэровцы. Там есть возможность разгрузить машины – склады, охрана, контроль. Они именуют себя батальоном, хотя явно погорячились. Во-первых, по численности чуть больше роты. Во-вторых, роты замерзшей, голодной, простуженно хрипящей и кашляющей, полураздетой, в «кастрюлях»⁴² и летних берцах. У некоторых вместо автоматных ремней бельевая верёвка. Господи, кто же вас сюда послал, убогих и сирых.

Оказалось, что донецкие, условно добровольцы – отлавливали по улицам, подъездам, кафешкам, сразу в военкомат на сборный пункт и кого сюда, кого сразу на передовую. Оказалось, что нет тёплого белья, перчаток, спят на картонках на бетонном полу ангаров. Естественно, не отапливаемых. Угостил сигаретами – бедствовали ребята с куревом. М-да-а, воинство ещё то, разбегутся при первых выстрелах и не от трусости, а от растерянности и незнания военной науки.

Пройдёт совсем немного времени, и они станут воинами. Кто-то погибнет, кто-то попадёт в плен, кто-то будет ранен и искалечен, но оставшиеся станут тем костяком, который будет зубами вгрызаться в родную землю, освобождая её от нечисти.

Две фуры вместе с армейцами ушли на базу, а мы с Лёшей Шороховым остались раздавать гуманитарку. Появляется высокий и худой мужик лет пятидесяти с обречённым взглядом. Понять можно: семи смертям не бывать, а одной не миновать. Вадим Кудиков отрекомендовал его главным от села – не глава, конечно, нет. Глава еще загодя подался в Харьков, а этот на свой страх и риск взялся охранять здание с оргтехникой – жалко, разворуют, а она совсем новая. Просто люди сочли его самым авторитетным. Или придурком – это уж кому как нравится.

Был он высок, мрачен, немногословен, даже суетлив – ну никак не хотел быть на виду: придут завтра нацики и повесят на воротах. Но всё же вынужден помогать – народ так решил. А тут ещё мы обязали его «оказывать содействие в гуманитарной миссии». Или мешать растаскивать привезенное: с санками пришли самые нахрапистые, брали мешки, пакеты, упаковки,

⁴² «Кастрюля» – стальной шлем.

отвозили, опять возвращались. Уговоры не хвать, разделить всё по совести, не обделит стариков и больных – не возымели, и тогда в ход пошёл мат – очень понятливый язык в подобных случаях. Помогло: сгрудились угрюмой и темной силой вокруг нас. Взглядами сверлят и тихо-тихо ропщут.

Стал просить помочь разгрузить фуру, но словно оглохли мгновенно. На помощь пришли ополченцы, ворчали на местных, поругивали, но выстроились в цепочку и пошли гулять по рукам пакеты да мешки, картонные упаковки да короба. Нет, сволочи всё-таки эти селяне. Домов на триста пятьдесят, а то и поболее, да еще несколько двухэтажек, а разгрузить для них же привезенное не хотят. Дармоеды.

Машину пришлось перегнать к магазину, вызвать его владелицу и очень вежливо и даже вкрадчиво предложить принять гуманитарку, составить опись и по списку нуждающимся раздавать её строго по потребности. Способности только что видели – яркая характеристика деградирующего хомо сапиенса. Коммунизм явно не прокатывал, разве что военный, заменённый НЭПом, но до него было ещё ой как далеко.

Хозяюшка оказалась женщиной бойкой и сообразительной, прониклась, окриками выстроила мужиков в цепочку и начала разгрузку, по ходу сортируя гуманитарку.

Два мешка с тёплым бельём отдал ополченцам – пусть хоть что-то перепадёт защитникам этих хуторян.

Лёша Шорохов снял разбитый танк и «Урал» с «Z» на водительской двери. Они завалились на обочину друг против друга – танк и грузовик, словно сцепились на дуэли и упали замертво. Конечно, сначала выстрелом стреножил танк нашего работягу войны, а затем уже его товарищи не дали уйти танку. Местные уклончиво говорили, что не знают судьбу экипажа, но ополченец тихо сказал, что наверняка вытащили и прикопали где-то в сторонке. Ну и слава богу, души ведь христианские, верными остались присяге, дрались, не отступая, смерть приняли геройскую, хоть и враги.

Это потом, после весенних и летних боёв, притупится это дурачко-восторженное и жалостливое восприятие противника, гибели друзей-товарищей, захват сёл, посёлков, городков с неременной расправой над всеми, кто принял Россию, кто принимал гуманитарку, не говоря уже о тех, кто пошёл на сотрудничество.

Вызверееет внутри каждого из нас ощущение врага, которого не надо брать в плен, которого нужно просто уничтожать, стирать в пыль дорожную, вминать в раскисший чернозём. А пока брало верх любопытство и желание заглянуть в люк, но остановил себя. Может быть, и похоронили местные танкистов, а может, и там ещё, или позабавились растяжкой: откроешь люк и рванёт.

Пока разгружалась фура, разговорились с ополченцами. Настроение подавленное, и не из-за того, что оказались на войне, а потому, что не удалось толком с родными попрощаться. Один, уже средних лет мужик, посетовал, что даже ключи от магазина жене передать не успел: выдернули из-за руля и отволокли в комендатуру, а оттуда в военкомат и так по цепочке. Машина с ключами в замке осталась на обочине, а ключи от магазина – вот они, при себе, да только теперь они вряд ли понадобятся: либо убьют самого, либо жена замки на магазине поменяет.

Молоденький боец, мальчишка совсем, гордо вцепился костяшками побелевших-посиневших пальцев в цевье и приклад автомата. Говорит, что и сам собирался в военкомат, так что даже рад, что оказался здесь. Жаль только, что с мамой попрощаться не успел. Господи, ну что же тебе дать? Перчатки, конечно же перчатки. Отдаю свои перчатки, чуть ли не насильно заставляю принять их. Стесняется, отказывается, потом робко натягивает, и через минуту улыбка блаженства плывёт по лицу.

Разгрузка закончена. Хозяйке магазина обещаю вернуться и проверить соблюдение ею заповедей Христа. Она картинно всплескивает руками, божится, что сомневаться не надо.

Приехали мои грушники. Отправляем фуру на выезд из села к бэтээру, а сами едем на базу – им там надо решить ещё какие-то вопросы. На полпути останавливает то ли патруль, то ли блокпост. Для патруля многовато – человек пятнадцать вооруженных автоматами и трёх-линейками, а блокпостом назвать это любопытствующее пешее замёрзшее воинство язык не поворачивается. От переминающейся толпы отделяется небольшого роста боец и строго требует назвать пароль.

Мои спутники жмутся – не хочется им показывать свои удостоверения, в секретность играют, полежать под стволами на стылой земельке желают. Приоткрываю дверцу:

– Иди сюда, военный. Загляни сюда. Видишь?

Что он может видеть? Все в гражданке. На двоих броники, в ногах автоматы. Наглость моя не знает границ и продолжаю взламывать оборону. Надо додавливать, пока он в себя не пришёл:

– Сам-то хоть пароль знаешь? Какой?

Боец машинально кивает головой.

– Пенза.

– Ну вот, Пенза так Пенза. Ты только никому больше не говори, смотри у меня, а то устав учить заставлю.

Боец извиняюще пожимает плечами, а я бросаю водителю:

– Вперёд.

«Уазик» срывается с места и шустро катит к базе. Офицеры смеются – и не раскрылись, и пост миновали. Прошу их никому не рассказывать о горемыках, а то нагорит ребятам по первое число.

У базы проторчали с полчаса, потом двинулись в обратный путь, который показался вдвое короче. Колонна быстро выстраивается и уходит вместе с «тайфунами» и «тиграми», увозя «картинчиков». У Миши интересуюсь, как наши героические коллеги? Он смеётся: как обычно, постановочная картинка с разбрасыванием стеклянных бус аборигенам.

Армейцам надо ещё пару часов по своим делам помотаться, а мы отправляемся к своим. Это уже третье место базирования нашей группы и второе отряда: роскошный особняк с водою, светом и газовым отоплением. Нет, не «отжатый», как здесь водится, а занятый по просьбе самой хозяйки, отбывающей то ли в Польшу, то ли в Турцию: без присмотра разграбят, так что уж лучше вы поживите.

Наши ребята заняли комнату на первом этаже. Тесновато – Саха (Артист), 37-й, Кама, Гарик, а тут мы втроём. К тому же вернулся Саша Харченко – был с ребятами на «боевых», и Илья – москвич и военкор какого-то агентства, тот самый, который на «телеге» «старше Эдды».

Слева от входа в углу были свалены в кучу какие-то сумки, вещмешки, пара курток, бронежилет. Далее вдоль стены стоял то ли сервант без дверцы, то ли открытый книжный шкаф без книг. Справа книжная стенка с придвинутым вплотную разложенным диваном. Он был огромным, занимал чуть ли не треть комнаты, был колченогим – угол опирался на стопку книг и служил лежанкой для Гарика и Камы. Между диваном и стеной на полу разложены спальные поверх карматов. К стене прислонены автоматы, на полках магазины, ночные прицелы, пара ПБСов потеснили книги в ярких обложках. Полистал: изданы в России, в основном лёгкое чтиво на русском языке. Между окном и сервантом весь угол завален вещами и банками с кашей и тушёнкой, на которые опирался спинкой единственный стул.

Гарик сразу же подсутился, накрыл стол – перевёрнутый вверх дном ящик покрыл какой-то тряпкой, отдалённо напоминающей то ли большую портянку, то ли малую наволочку, выставил банку кофе, пачку чая в пакетиках, сахар, хлеб. Зашипела самодельная газовая горелка под кастрюлькой с водою: чай очень даже кстати.

Я привёз обещанный беспилотник, прицелы, рации, тушёнку, сигареты, персонально Каме шмат сала и самое главное – бытовуху: губки для мытья посуды, моющее средство, веник

и совок. Нет, это не был тонкий намёк на толстые обстоятельства, но, зная щепетильность Камы в вопросах чистоты, полагал что это кухонное оружие будет весьма кстати.

Алексей быстро со всеми перезнакомился и был принят ребятами за своего: ему, как дорогому гостю, уступили почётное место у стола. Мишка, не мудрствуя лукаво, уже уминал тушёнку (или кашу?), чуть ли не мурлыкая от удовольствия.

Перехватив кусок хлеба с чаем, я принялся за наведение порядка: расставил банки с тушёнкой и кашей на полках, в шкафу разложил запасы носков, отдельно сложил свечи и спички, чай, сахар, перебрал сваленное в углу. Оказалось, что в комнате не так уж и мало места. Оставалось развернуть диван вдоль стены, но тут воспротивились ребята: то ли двигать тяжеленный диван не захотели, то ли уже привыкли к прежней обстановке, что немаловажно в случае экстренного покидания помещения в темноте.

Ближе к заходу солнца появились грушники: пора ехать. Саша Харченко уезжать раздумал, попросив забрать Илью и передать в Москву материалы. Прощались ненадолго – ребята знали, что нас подрядили доставлять гуманитарку, поэтому заказали кое-что по мелочи.

Илью высадили на АЗС – сказал, что дальше поедет сам. Обменялись телефонами, но я тут же умудрился затерять листок с его номером. Ребята отзывались о нём хорошо – мужик стоящий, спокойный, отчаянно храбрый. И мне он глянулся – чистая аура у него, хорошая энергетика.

18

Вернулись в сумерках, а поутру ещё затемно снова двинулись в Липцы, но на этот раз без гуманитарки МЧС. Работали чисто от Агентства: опять интервью, съёмки, проводили давних знакомых на базе. Привезли им продукты, кое-что из вещей и долгожданные лекарства. Волнуются и переживают за своих родных в Харькове. А деваться им с этой подводной лодки некуда: в город не пробраться, так что придётся ждать здесь и терпеть клятых москалей, то есть нас.

Пришёл 37-й, сообщил о базе правосеков на окраине посёлка, взятой накануне. Мои грушники решили проверить её ещё раз. На подъезде оставили машины, двинулись пешком к воротам. Мы с 37-м обошли её со стороны реки: не приходил ли кто? А то можно на сюрпризы нарваться, когда будем базу потрошить. Так и есть: за ночь появились следы, кто-то подходил, присаживался на одно колено, но на саму территорию не проникал – снег чист. Судя по следам, так работают только те, кто знаком с навыками спецназа. Что ж, возьмём на заметку. Вдалеке под лесом виднелся склон, в котором находились штольни. Если там засесть с винтовочкой, то мы как на ладони. Нет, надо всё-таки их проверить, но Док упирается, да и армейцы не поддерживают, а зря.

База – приличный одноэтажный дом, высокий забор, сарай, погреб, вольер для собак, двор, окружённый высоким забором. Выход к небольшой речушке – метра три шириной, берега заросли ивняком да камышом. В общем-то внешне ничем не примечательное обычное подворье. Вещи разбросаны, мебель сдвинута, пару половых досок сорваны – похозяйничали ребята Дока. Работали явно непрофессионально, ну да что взять с этих охламонов. Нашли несколько книг – «Аэропорт», но не Артура Хейли, а украинского журналиста о защитниках-киборгах Донецкого аэропорта. Написана толково, весьма литературно, читается легко. Дарственные надписи на титульном листе – автора и его героев. Судя по надписям, сам хозяин дома в иерархии «Правого сектора» не последний человек. Несколько брошюр Билецкого – основателя и идеолога «Азова». Ничего нового: украинцы – суперэтнос, белая арийская раса, наделённая великой миссией уничтожения русских, этих орков, недочеловеков, унтерменшей. Спецлитература по разведке, по подготовке спецназа, по психологии – в основном описание психотипов и методы воздействия на сознание, «Майн кампф» Гитлера – всё на русском языке и даже Билецкий. Вот ведь как получается: русских надо уничтожить как нацию с их культурой и язы-

ком и в то же время пишут на русском! И читают тоже на русском! И говорят не на своей мове, изобретенной в пивных Вены с подачи Генштаба Австро-Венгрии, а на великом и могучем. Парадокс! А может, шизофрения?

Альбом с фотографиями заметно почищен: треть фото убрана, иногда вырваны целые листы. На стене тарелочки – любили путешествовать господи нацики.

На чердаке грушники нашли системник – это уже кое-что, осталось только вскрыть его. Забрали еще несколько фотоплёнок, фотографий, записных книжек – поработаем на досуге. Во дворе с полдюжины пустых миномётных ящиков. В общем, негусто. Речку бы просканировать, да спецсредствами не озаботились.

Выстраивалась логическая цепочка: база с миномётными ящиками – штольни – миномётные обстрелы из леса как раз над штольнями. Опять эти чёртовы штольни! Надо всё-таки туда проехать, только вот скрытно днём не подобраться.

Вечером пять мин разорвалось в центре посёлка. Не «грады», не сто двадцатые, а восемьдесят вторые: значит, миномёт работал откуда-то поблизости.

Дня через два были на окраине посёлка, встретили двух девчонок, разговорились. Оказывается, как раз, когда мы были на базе, на опушку леса выехал квадроцикл с двумя военными. Постояли, посмотрели в бинокль на посёлок и уехали. Ну что ж, всё сходится: в лесу просеки, по ним выйти к Липцам элементарно, а если на квадроцикл установить миномёт, то пострелял и оперативно убрался восвояси, даже засечь не успеют.

По возвращении пытался убедить Доку всё-таки прочесать лес в районе штолен, но он категорически отказался: рисковать людьми не буду. Ну, у каждого своя правда, только время показало, что он был всё-таки неправ. Хотя почему не прав? У каждого свои причины надеть форму, к тому же получить власть командирскую.

Часа в три пополудни ребята задержали марокканца. Документы как у давешнего сирийца: тоже студент с девственно чистым студенческим билетом, хотя за три года учёбы он должен был потерять типографский лоск. Сдали его местные: шепнули, что бывал он в том самом ваххабитском центре, взятом накануне нами. Три недели мы находимся на этой территории, двое суток, как взяли базу, а где этот пилигрим был всё это время? Значит, есть те, у кого отсиживался, да и отсиживался ли? Отвезли на «ленту», передали кому следует, а осадочек остался: надо работать с населением, создавать свою сеть помощников.

Вечером вэсушники накрыли посёлок – мины рвались на окраине, но всё равно приятного мало.

19

Днём двенадцатого марта встречали машину из Оренбургской области – под завязку забита гуманитаркой. Симпатичные ребята, крепкие, открытые, чувствуется стать и внутренний стержень. А что хотите: оренбургские казаки, порубежники, у них дух воинский в крови. Оказалось, что привезли груз сам глава администрации города Черноречье Максим Митин, руководитель патриотического поискового отряда «Виктория» Алексей Каргуз, Юрий Александров из «Ночных волков» из Бугуруслана и Андрей Терехов, представляющий благотворительное движение «Своих не бросаем». Неслучайно у порубежного казачества особое отношение к России. Рвались сами отвезти через «ленту» – еле отговорил и не потому, что там опасно, нет. Сработал только один довод: за день можем и не обернуться.

В тот же день ждали ещё одну машину из Орла, поэтому встреча с казаками прошла как-то скомканно, без хлебосольства. Остался осадочек: некачественно принял мужиков, но не последний же раз приезжают, так что исправимся. Почти две недели перебрасывали привезенное ими от Стрелечья до Циркунов, часть раздали беженцам, а большую часть сын отвёз на Донбасс в детский дом и интернат для инвалидов.

Гуманитарка, конечно, дело нужное, но если так и дальше пойдёт, то заниматься работой Агентства будет просто некогда и некому, поэтому прошу сбавить обороты. Увы, звонят и просят принять медикаменты, продукты, вещи – всё, что так необходимо на фронте.

По старой памяти ещё в первые дни обратился к коллегам в один из судов: срочно необходимы жгуты, бинты, кровоостанавливающие средства. Ответили сухо, что спешить не велено и что решат после праздников. Что решат: помогать или нет? Это из серии «как бы чего не вышло» – команды-то сверху не было, а по совести помочь душа не располагала или отношение ко всей спецоперации? Больше к ним не обращался.

Зато мировые судьи Западного округа сами разыскали меня и загрузили машину медикаментами. Под самую крышу салона. Может быть, потому они сбросились на гуманитарку, что к людям ближе, чем мои коллеги? Хотя нет, это от человека зависит. Звонили же мои бывшие коллеги-отставники, предлагали помощь, или это уходящая натура, как говорят художники?

20

Никак не удаётся полностью погрузиться в работу «ANNA News» – приходится отвлекаться сбором и отправкой гуманитарки. К тому же навалились другие заботы, от которых и отбиваться неудобно, и заниматься времени не хватает.

При обстреле посёлка вэсусниками взрывом мины повредили газопровод – осколками изрешетили трубу. В самом селе специалистов не оказалось. С такой работой наловчились оперативно справляться в донбасских республиках, но сюда можно выстроить логистику только через нашу область, а это не только круг в пятьсот километров, но еще и неперенные проблемы на границе в лице пограничников, таможенников и всяких «фильтрационных» служб и подразделений. Их в избытке на второй, третьей, четвёртой и ещё с полдюжины «линий». Похоже, что все кому не лень занимаются комендантской службой, устанавливают блокпосты, фильтрационные пункты и концов подчинения найти порой просто невозможно. Так что везти ремонтную бригаду с Донбасса себе дороже.

Две недели ждали помощи от наших властей, но никто не решился брать на себя ответственность за организацию доставки и обеспечение безопасности. Недоумки: им в руки такой козырь вкладывали, а они не поняли. Ведь могли расписать себя – безвозмездно оказали помощь освобождённому району, дали людям газ, или смутило бескорыстие?

Выручили шебекинцы из подразделения Дока. Он дал машину 37-му, тот поехал в Шебекино и через три часа в Липцы прибыла спаскоманда в лице начальника шебекинских теплосетей Мишнев Егора Алексеевича, а с ним его помощники.

Кудиков организовал людей, Док обеспечил охрану, и пока газовики разворачивали свою аппаратуру, местные мужики откопали повреждённую трубу. Шебекинцы заварили её, опять закопали, место ремонта поместили камнями – так, на всякий случай.

Казалось бы, ну что тут такого – трубу заварить, а по факту целая спецоперация – найти специалистов, уговорить поехать, через все блокпосты провезти, безопасность обеспечить. Зато не только в домах потеплело – на душе тепло стало от сделанного.

А Егор Алексеевич Мишнев вскоре расстался со своей должностью – не ко двору такое самовольство.

Репортаж о восстановлении газопровода выставили на «ANNA News» – реальное свидетельство помощи России местному украинскому населению. Конечно, это был уже элемент пропаганды, но всё-таки не кондовой, в лоб и агрессивной, напористой, а чуть изысканной, припудренной, мягкой. А ещё факт народной дипломатии: не власть позаботилась, а простые люди из соседней российской области протянули руку помощи.

21

В своей книге «Тихая работа вежливых людей» едва коснулся нескольких дней лета и осени две тысячи четырнадцатого года – не обо всём и не обо всех тогда можно было рассказывать. Сейчас, конечно, многое бы оставил, да только совсем иначе оценивал бы ту ситуацию, обладая совсем иным багажом знаний.

Просматривая видеозаписи и фотографии, наткнулся на «иллюстрацию» к одной операции, о которой в книге умолчал. И не только потому, что она была рутинная и никак не тянула на интересную и захватывающую, но ещё и потому, что результат оказался «незасвеченным» на дипломатическом уровне. Впрочем, наша «посылка» дошла до адресата, и не нашего ума дело, почему она не фигурировала в цепочке доказательств МИДа. Наверное, так было надо.

Война второй половины лета всюю безумствовала и входила в стадию крайнего остервенения: повседневной действительностью стали «грады», бомбы и снаряды с запрещённым белым фосфором, не говоря уже о «вертушках» и «сушках». Но приватизаторам войны этого показалось мало, и они применили не только «Ураганы» и «Смерчи», но и тактические ракетные системы «Точка-У».

Поскольку наблюдатели ОБСЕ отличались поразительной глухотой и слепотой, то однажды Марат Мусин сообщил, что нам доверено раздобыть доказательства применения противником этих ракетных систем. Почему нам, а не спецназу ГРУ, войсковой разведке или ещё кому из спецуров, объяснить сложно. Скорее всего, Марат вызвался сам. Он вообще был бы не Маратом, если бы распорядился собрать фрагменты ракет на территории, занятой ополчением. Во-первых, нужна была изюминка, авантюра, экшн. Во-вторых, требовалась неразорвавшаяся головка наведения ракеты. Такая была – о ней рассказали местные, но пока согласовывали выход, его обеспечение и другие детали, территорию, где она воткнулась в донбасскую землю, уже заняли нацики из «Айдара», и пришлось идти к ним в тыл непрошеными гостями, которые, как известно, хуже татарина. Помогло отсутствие сплошного фронта и всеобщий бардак, поэтому через трое суток мы всё-таки благополучно притащили заветную головку. Марат просто светился от счастья – задание выполнено, хотя наверняка он сам его выпросил. Ну, а мы радовались, что вернулись.

Вот ведь как: тогда нужны были доказательства их применения Киевом, хотя это было очевидным. Теперь на эти «Точки-У» никто не обращает никакого внимания – их теперь воз и маленькая тележка. Но что тогда Западу было плевать на смерть людей, что сейчас, когда они для убийства русских развязали Украине руки. И поливают Донбасс фосфорными бомбами и «лепестками», которые запрещены, но им персонально разрешены. Долбят «Точками-У», а не за горами и западное пойдёт: запасы-то своего у укров истощаются.

22

Липцы – фактически дачный пригород Харькова. Не большое, но и не малое село тысяч на пять громадян, а с разбросанными вокруг посёлочками и все семь наберётся, а то и поболее. Вадим Кудиков говорил, что за двадцать тысяч сейчас вся подконтрольная ему округа, да только кто считал? До Харькова рукой подать – минут двадцать езды на автобусе со всеми остановками в Русских и Черкасских Тишках, в Циркунах и по улице Леся Сердюка до конечной у метро «Героев Труда». Ну, а до российской границы в два раза ближе, чем до Харькова.

Места здесь живописные, не случайно харьковчанами облюбованные – луга и балочки, лесочки-перелески, ставки и водохранилища: в километре плотина Травянского, в сторону Салтова – Муромское с дачно-садовыми кооперативами, в Тишках начало берет Вяловское. А вокруг базы отдыха, яхт-клубы и белые яхты, режущие рябь воды.

За Липцами в сторону Весёлого казармы ВСУ – девственно целёхонькие, плачем и распахнутыми настежь воротами прямо в зелень озимых, расчерченных бэтэрами в замысловатые геоглифы.

Я вновь и вновь досаждаю командира отряда прочесать всё, что слева и справа от дороги – сплошного фронта ведь нет, стоим мы только гарнизонами в посёлках, так что отрезать их, окружить и уничтожить – раз плюнуть. Близок локоток, да разве укусишь? Будешь потом рвать остатки волос на своей плешине, да поздно будет.

Даже слушать не желает. Ну ладно, могу согласиться, что людей в обрез, но хоть разведгруппу послать бы. Сам пойду, 37-й пойдёт. Саха, Каму потащим, коль ходит с трудом, дай только команду. Не даёт.

Меньше месяца спустя ВСУ и нацбаты зайдут по флангам, пойдут по тылам, отрезая и разрезая, словно по нашим лекалам сработают. Словно присутствовали на наших «тёрках», словно по моей карте двигались. Эх, ну когда же мы думать научимся...

Хотя командиру в уме не откажешь. И в пронируемости тоже. Он дока в школе, а вот всему отдаться войне – нет, это не его.

23

Необходимо понять, что это война цивилизационная. Не конфликт на Украине, а именно война цивилизаций: Запада – бездуховной и сатанинской, и русской, православной, где духовные скрепы, мораль, нравственные ценности ещё живы в этот иудин век национального предательства. Украина – это лишь территория и людские ресурсы, подлежащие Западом утилизации. Это его война на уничтожение русской нации, всех этносов, живущих в России. Для них мы все русские – москали, свинособаки, унтерменши. Нас надо на гиляку и на ножи только за то, что мы низшей расы, что не мы выкопали Чёрное море и не мы насыпали Кавказские горы.

Мы спасали в Циркунах местных. Три километра от Харькова, корректировщик в трёхстах метров от храма. Зачистить не смогли – не было возможности, нас было слишком мало и надо было выполнять задачу по выводу местных, которых ждало счастливое превращение в беженцев. Это сродни смены пола. Но мы всё равно узнаем, кто он, этот корректировщик, и убедим его в том, что он не прав.

Не все жаждали эвакуации даже под огнём укров, воротили нос и тупили взгляды. Понятно и объяснимо. Работает пропаганда: москали отправят всех в фильтрационные лагеря, а потом в Сибирь. Где наши пропагандисты? Всё мочат по шестому кругу танки, авиацию, арту? Мы вытащили местных без потерь (мелочь не в счет, потерями считаем только двухсотых и тяжелых трёхсотых). Вытащили, быть может, упоротых самостийников, на дух не переносящих нас, москалей. Вытащили не на радующихся и чуть ли не молящихся на украинского нациста еврея Зеленского.

Их прикрывали своими телами Сталевар, 37-й, Саня, Фагот и еще с дюжину ребят. Те самые, кого они требовали на гиляку и на ножи. Теперь в них они видели олицетворение зла: пришли незваными, принесли на своих берцах войну с её непереносимыми разрушениями и гибелью родных, близких, знакомых. Да, непросто будет их заставить полюбить нас. Хотя нет, полюбить – не то слово, скорее смириться и терпеть, а терпения русскому человеку не занимать.

Когда оставили их на базе и опять уходили на задание, обернулся: кто-то плакал, кто-то тайком махнул рукой, кто-то крестился, а взгляды почти у всех вдруг просочились теплотой. Неужто началось? Их убивали свои же, расстреливали из «смерча», а мы прикрывали их своими телами: те самые москали, которых надо убивать. Закрывали ради сохранения их жизней, не задумываясь о своей. Нет, не на грабли наступаем – топчемся. Может, и прозреем, хотя всё равно спасать будем. А всё потому, что мы москали.

Картинку выложили на «ANNA News», разогнали по интернету – это тоже народная дипломатия. А генерал из телеящика с каменным лицом тупо долдонил, сколько подбито танков и самолётов и сколько убито украинских солдат. Что, одна извилина и та от фуражки?

Апрель – май

1

Апрель потерялся в больницах, домашних проблемах и гуманитарках – пару-тройку раз удавалось выскочить за «ленту», но это так, каботажное плавание. Далеко не заезжали, да и особо некуда: умудрились отойти к границе, местами упёрлись в неё, кого успели – эвакуировали, кого не успели, то... А ведь поверили нам люди, что пришли освободители. Пришли навсегда и теперь опять они будут русскими, а мы их бросили. Говорили на камеру не боясь, душу раскрывали, а мы в «телегу» выставляли да по сайтам разгоняли. Предали мы их, предали. И моя в том вина. Даже не в том, что не дрались за каждое село, за каждую улицу, за каждый дом – пока ещё в сознании некоторых, что не наше это, чужое, Украина. Потом придёт осознание единства земли, потом стиснутся зубы и сожмутся кулаки. Потом будем забирать оставленное, но уже с покаянием, с чувством вины будем отводить взгляды от выживших селян: ну не мы же приказывали уходить. Начальство высокое решение принимало, другими категориями мыслило, если мыслило вообще. Даже пешки на шахматной доске с умом двигать надо, а не то король голову сложит. Мат называется.

Вину свою чувствовал вот за эти интервью, за короткие ролики, но достаточные, чтобы вошедшие в село нацики набросили петлю на шею говорившему. Потому и сердце задавило и понеслось – врачи, аптеки, микстуры...

Май начался поиском возможности отвезти куличи за «ленту». Помогли офицеры из погранслужбы и территориального ФСБ – они-то лучше других понимали, что только добрым словом и добрыми делами сможем обратить людей в свою веру. Что не силой оружия, а только так мы сможем убедить их в правоте России.

Миша Вайнголец звонил чуть ли не ежедневно: куличи знакомые девчата из Разумного напекли – три с половиной сотни, да соленья-варенья наготовили, и ещё всякой всячины. А ещё письмо солдату – большого формата рисунок.

В светлый день Пасхи загрузили мою машину доверху, сели с Мишей, взяли фотоаппарат и видеокамеру и поехали. Впрочем, это на первый взгляд всё просто: сели и поехали. На блокпосте нас ждала группа сопровождения из шестой армии. Тут же товарищи пограничники замерли в ожидании. «Контора» тоже руку помощи протянула. Это же надо – то ходишь-ходишь, все ноги собьёшь, пока выходы найдёшь, а тут словно богатая невеста нарасхват, хотя и бесприданница.

Поблагодарили всех, но выбрали погранцов: очень уж убедительно предлагали помощь свою. Спецназовцы не огорчились и даже обрадовались, «фейсы» тоже вздохнули с облегчением: баба с возу, кобыле легче.

На Нехотеевке подждал «уазик» с опергруппой и бэтээр. Вот это уже лишнее: ну зачем такой привлекающий внимание эскорт. Возражать бесполезно. Вернулся старший, сообщил, что Казачья Лопань под обстрелом, в Липцы не проехать через лес – заминировано, да и ДРГ шалят, а в круг – надо перегружать груз, но времени нет. Остаются Большие Проходы.

Лукавят ребятки, ой как лукавят. Пусть Казачка под минами – бывает. Пусть с Липцами проблема, но сказками про ДРГ и мины я за эти три месяца насытился вдосталь. Просто до Проходов недалеко, и перегружать машину не надо. Лентяи.

До села добрались минут за сорок. Бэтээр развернулся и встал на выгоне тылом к храму. Было пустынно, народ жался по-над заборами, не рискуя подходить: а кто ж знает, по чью душу прибыла эта непонятная команда.

Грязновато, лужи, ветерок, а на душе светло. Пасха.

Старший торопит: надо поскорее разгружаться и ехать. Куда разгружаться, коли храм закрыт? Иду к дому поблизости. Сопровождает верзила с автоматом: приказ старшего не отходить ни на шаг. Ворчу, пытаюсь вернуть его к товарищам, но он молча сопит и чешет следом.

Калитка на запоре, звонка нет, стучу, но никто не выходит. Подтягиваюсь, высываю голову над забором и вдруг басовитое и резкое:

– Геть с забора!

Из дома появляется невысокий мужик с недобрым лицом. Затаился в сенцах, смотрел в щелку, не выходил, выжидал, пока я не покусился на его крепость, упырь.

– Нечего по заборам лазить. Чего надо?

Объясняю, что привёз куличи и гуманитарку и хотел бы в храме разгрузить, но он закрыт. Упырь изучающе-выжидающе-настороженно режет взглядом – дай нож, так зарежет в чистую, потом цедит:

– Нет её.

– Кого «её»? – начинаю заводиться.

Ещё пять минут такой интеллектуальной беседы, и придётся ему от души навешать. Жаль, нет 37-го: тот бы уже наградил упыря затрещинами. Наверное, тот понял, что расправа грядёт скоро и будет весьма болезненна, поэтому, уже смягчившись, поясняет, что матушка ушла с час назад. Живёт на краю села, далековато, да и на легковой не проехать. Вежливо прошу съездить за матушкой – наша машина в его распоряжении. Видно, что ему не очень-то хочется покидать свою ракушку, но аргумент в лице моего верзилы-сопровождающего убедителен.

Матушку Ирину привезли минут через сорок. Она матушка без батюшки – он умер в самый канун майдана, и теперь приходится и за храмом смотреть, и службу отправлять, а после двадцать четвёртого она главная власть на селе, и врач, и психотерапевт.

Откуда народ и взялся, сразу заполнив небольшой церковный двор. По домам сидели, в окошко выглядывали да из-за заборов. Видели же мелькавшие то здесь, то там платочки да шапки, значит, живёт село, да только не торопится на встречу с избавителями от украинского нацизма. А как только появилась матушка Ирина, так повалили к храму: вот ей верят. Раз она здесь, то беды не будет, любое лихо отведёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.